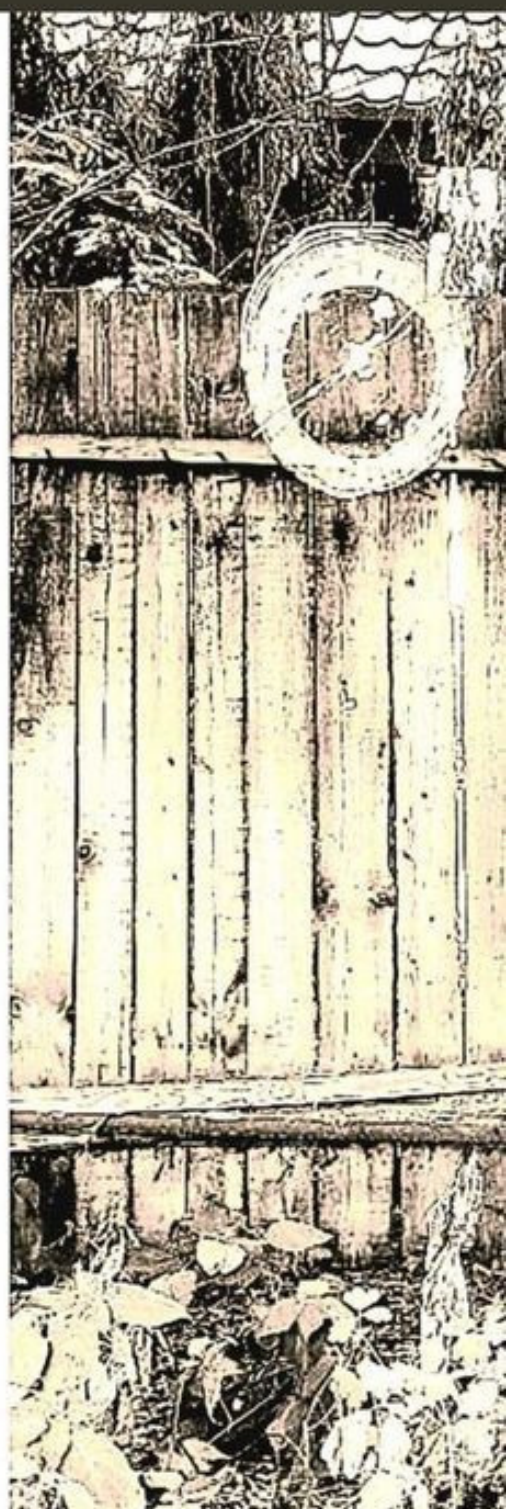

18+

Елена Кузнецова

SOSedi

История с географией

Елена Кузнецова

SOSeди. История с географией

«Издательские решения»

Кузнецова Е.

SOSеди. История с географией / Е. Кузнецова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-593497-0

В тихом поселке, на умиротворяющем фоне подмосковной природы кипят нешуточные страсти. Соседи обеспечивают друг другу яркую, насыщенную событиями жизнь, посторонние оказывают им в этом посильную помощь. Тут обитают монстры и ангелы, и все в едином лице...

ISBN 978-5-00-593497-0

© Кузнецова Е.
© Издательские решения

Содержание

Север Подмосковья	6
Мезня ретроспективно	8
Погоды и прочие отягчающие обстоятельства	11
Дача МОНО	12
МОНО: взгляд изнутри	14
Ольгуня: котенок	16
Мария	18
Ася	20
Флешбэки	21
Ольгуня	21
Мария	23
Ася	25
Дача МОНО	27
Ольгуня	27
Новый жилец	29
Соседи	30
Мария, семейная жизнь	33
Ася, времяпрепровождение	36
Мария, ликвидация подруг	38
Баня	40
Ольгуня	42
Дача МОНО: посиделки	43
Дядя Сережа. Спин-офф	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

SOSeди История с географией

Елена Кузнецова

© Елена Кузнецова, 2022

ISBN 978-5-0059-3497-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Север Подмосковья с высоты птичьего полета. Поселок

Мегаполис растет.

Наползает змеями дорог, щелкает клешнями новостроек, выбрасывает отпрыски микро-районов. Взбежит на пригорок у болота и остановится, собираясь с намерениями. Срыть холм, осушить топи, перекинуть эстакады? Свернуть горы грунта, вскипятить котлы котлованов?

Или замереть, оуклиться, как около недалежного подмосковного поселка Мезня, уступая место дремучим, почти мезозойским, чащам и неширокой стремительной реке?..

Когда-то с курганов под дубами весело было наблюдать, как по-над насыпью железной дороги несется маленький, словно игрушечный, состав, отбивая чечеточный ритм. Грохочет, проскакивая виадук над речной петлей, прострачивает пунктирной линией глубину пойменных лугов под клубящимся простором небес. Скрывается в соснах на подходе к станции, оставляя будоражащее эхо, постепенно затихающее вдаль.

Нынче так же суетятся электрички, тащатся товарняки, по-марафонски размеренно бегут поезда дальнего следования. Но спрятаны они забором в фирменных серо-красных цветах РЖД, укрыты за ничьей землей, прифронтной полосой, где есть доты, воронки и рвы, песчаные терриконы, щебеночные насыпи, ведущие в глубь земли чугунные люки и стоящие на отрезках рельсов заброшенные вагончики-временки.

На противоположной, восточной окраине поселка Мезня, за бывшим колхозным полем, что теперь застроено складами, вьется серой лентой вылетная магистраль М-8. Через пару километров, ближе к райцентру Гущино, пятиполосная скоростная трасса превратится в двухрядную шоссечку, изрядно побитую временем, непогодой и большегрузным транспортом.

С юга Мезня срослась с сиамской сестрой Мамоновкой, а там уже и дымные трубы Гуцинской промзоны, и городская застройка как на ладони видны. Давно пришли бы в Мезню-Мамоновку блага многоэтажной цивилизации, да речка Гуца помешала. Разлеглась в топких низинах, плодит комаров и лягушек, собирает ручейки, отходы, ниточки малых речушек, в реку Мезню несет. Та уже в саму Волгу частички здешней органической и не очень жизни доставит. На то он и круговорот воды в природе.

Мезня течет с северной стороны одноименного поселка, узкая, заросшая илом и камышом, но с характером. Есть здесь быстрая стремнина и затянутые ряской омуты, напористые ключи, будоражащие поросшие соснами кручи над песчаными отмелями. Даже и водоохранная зона наметилась, после того как смелая застройка девяностых нацелилась на приречный парк с курганным заказником. Чуть-чуть до самых берегов не добралась, удивительно, что не дойдя остановилась. Ведь приятно, согласитесь, было б на верхнем балконе особняка пожить с видом на закатные речные дали, воинскую часть со станцией космического слежения, а по осени устраивать утино-перепелиные охоты в заливных угодьях!

Ан нет! Одна заря сменила другую, и разрешение отозвано, в камышах проложена топкая тропа, на песчаных пляжиках наставлены скамейки, будки для переодевания и стенды на железных ногах с «Правилами поведения на воде». Судя по количеству разбросанной вокруг алкотары заявленные опасности нетрезвых омовений никто не принимает всерьез. Иные, вероятно, неграмотны, а те – не читают по-русски. Что поделаешь! Зато некто бесстрашный и умеющий писать написал поперек тонущего с бутылкой в руке пропойцы: «Ха-Ха! Лох!».

Вот так культурно оформлены окрестности реки Мезни, являющиеся ныне Гуцинской зоной отдыха. Да и поселок здешний считается не дачная местность поселок, а городской микрорайон. Но долгожитель междуречья, несмотря на близость нынешней принадлежности,

имеет свою особенную историю и затейливую манеру, бережет их, порой являет, иногда скрывает, всегда хранит.

Мезня ретроспективно

Ежели, к примеру, повернуться к мезенскому прошлому передом, а к будущему задом (поскольку впереди все равно все расплывчато и неясно), много познавательного можно понаблюдать в ретроспективе. Увидеть, как патриархальную неспешность сменял энергичный век с машинами, фабриками, железными дорогами, прогрессом наук и искусств. Как вырастали в подмосковном бору дома, призванные восполнить уходящий уклад усадеб. Здесь чада и домоладцы предавались загородным утехам, пока отцы семейств возделывали столичные нивы. С утра те направлялись на службу, кто собственным выездом, а кто и поездом (у вокзала извозчиков – только свистни! Мигом куда надо домчат). А после трудов – на дачу, где под соснами самовар кипит, а с ним кипит веселье! Подмосковные вечера, праздники, гуляния!

Дома друг с другом соперничали не столько величиной, сколько художественной выдумкой. Нанимали архитекторов, подрядчиков, резчиков, из рук в руки по знакомству передавали. Так и получались: башенка «Минутка» для размышлений, бельведер для наблюдений. Веранда с кружевными навесами и стеклышками разноцветными, балкончик, балюстрада. Трехколонный портик, шатровое навершие, бочка-мезонин, причудливо изукрашенный пропильной резьбой.

Церковь возвели, в стиле модерн. Это был дерзкий шаг, страсти кипели, но построенный храм всех примирил: известный зодчий не из камня и дерева, а из железа и бетона воздвиг всевышнему свечу. Глянешь и душа улетает в небеса, что еще для счастья надобно? Устроили парк с дорожками для велосипедирования, летним театром и оркестровой эстрадой. Появился почтовый ящик, открылись лавки: пекарная, бакалейная, колониальных товаров, а также особо любимый дачницами «Аптекарский и парфюмерный магазин». Мезня стала популярным местом отдыха, а то и постоянного проживания уставших от городской суеты москвичей.

Время шло, неумолимо давя в труху все, что не успело увернуться, отползти и скрыться с дороги. Отгремели войны и революции, прошли индустриализации, коллективизации и приватизации, земля была объявлена собственностью государства, а после роздана обратно, в добрые и не очень руки. Близость столицы, привлекательность ландшафта, транспортная доступность – все играло роль в облике места и его судьбе.

В разгул стихийного рынка поселок обзавелся краснокирпичными коттеджами, глухими заборами, недоверчивым выражением лиц. По обнулению пришла было эра штучных особняков, ажурных кованых оград, редкостных насаждений, но тут грянул очередной финансово-политический кризис. Деньги подешевели, жизнь подорожала, угасли горящие взоры, увяли расцветшие надежды. Трубы стали заметно ниже, дым из них мало того, что сделался жиже, но и зачастую вообще перестал исходить.

Замерли стройки, закрылись магазинчики, пожелтели и высохли криптомерии и метасеквойи, неряшливо разрослись туи за фигурными решетками, потускнели зеркальные стекла и на смену гламуру и дискурсу порше, ручных соколов и премиально-белых жеребцов пришли эконом-парикмахерские и сетевые дискаунтеры со скидками для пенсионеров в утренние сонные часы. Появились приметы существования скудного, убогого: пустыри и стихийные свалки, шлакоблочный и газобетонный недострой, дощатые «шанхай», облепившие бывшие «господские» дачи. Много лиц простых и грубых, чужих строением и выражением. Много проезжих на время, много приезжих навсегда.

Встречаются и остатки прежней роскоши: особняки с колоннами и башнями, деревянные терема с узорами, широкие улицы с тротуарами, «ласточкины хвосты», резные жар-птицы, разлетевшиеся по укромным уголкам, штучные люди с особенным вывертом.

На углу улиц Жуковской и Писемской (а все улицы тут старыми наименованиями прозываются) гневно-багровый особняк растопырился гигантским крабом, а у соседей десятиметровые венцы, под шатровой кровлей мансарда с треснувшими стеклами, а вокруг сосны, елки да березы невероятного размера, соперничающие с ними за место под солнцем. Далее за трехметровым забором на каменных столбах кирпич успокоенный, мирных, коричневых оттенков, следом, внезапно, вылитая вилла Горького М. на острове Капри, но окраса прихотливого, то ли бледный кармин, то ли темный лосось. За итальянским классицизмом новодельный особнячок в русском стиле, с витражами, с оградой из художественных загогулин.

С поперечной Лермонтовской на Писемскую взирают два храма, старинный в облезлой майолике и новый, тянущий вверх узкие главки на лебединых шейках барабанов. Когда из-за ж/д станции, с дальних звягинцевских полей прострелит улицу насквозь прямой закатный луч, как от запала, пламенем вспыхивают купола, так что приходится остановиться и прикрыть ладонью глаза.

В такую же, как сегодня, пасмурность и хмурость можно без световых эффектов бродить по Писемской улице, подняться к церквям, к главному торговому перекрестку с Крыловской спуститься, обозреть издали Великую стену. Так зовется высокая кирпичная ограда, что незыблемо хранит квартал лесного участка и замок темного камня под медной кровлей, потускневшей уже, подернутой малахитовой патиной. Никогда не зажигались в доме огни, не открывались широкие откатные ворота, и даже призраки не посещали этот пустынный уголок. Явись там фонарики-светлячки, черные ночные автомобили, белые туманные фигуры, иные паранормальные видения, их непременно углядели бы местные кумушки, блюстители особого порядка наших негостеприимных к пришельцам широт.

Снаружи Стены, наоборот, оживление, движение, шум.

Вот шествует дама запредельных лет в вытертом полушубке, шляпке с вуалью, голубых пластиковых сабо (такими торгует неподалеку Маринка со Звягинцева. Наряду с венчиками из сорго, войлочными стельками и безразмерными панталонами галоши в любое время года самый ходовой товар).

Дама везет выдавшую виды сумку на колесиках, стало быть, собралась в «Пятерочку», что открылась вместо «булошной», или в «Магнит», обосновавшийся на месте «молочной». Возможно также, что одолела старуху охота к перемене мест и задумала она поездку на Гуцинский рынок, где торгуют всем подряд, от ранней зелени, домашнего творога и крохотных с заплаканными мордашками котят до рейтуз, чайников и прочих изделий трудолюбивых иноземных ремесленников.

Гений локуса ведет даму посередине проезжей части, и она, следуя его веленьям, игнорирует нервных водителей, колышет подолом плавно и неспешно в укор торопливо объезжающим ее по дуге автомобилям и напекает под нос молодым высоким голосом:

— Каа-лакольчики мои, цветики степны-я... что глядите на меня, темно-голубы-я? И о чем грустите вы в день веселый май-я? Средь некошеной травы-и га-лавой кача-я!

Хотя на дворе и не май вовсе, а беспросветное межсезонье, по недоразумению именуемое первым месяцем весны.

В ушах дамы сверкают аквамарины чистейшей воды и глаза ее и на разрушенном временем лице – незамутненный аквамарин. В остальном жалкость и разрушение, а в аквамаринах достоинство. Драгоценности вечны, так, по крайней мере, принято считать.

Так и нынешняя Мезня. Местами рухлядь, местами винтаж, местами антиквариат, кич, дешевка, смешная претензия. Мусор, развалины, убожество... и вдруг блеснет неистребимый шик, ум и обаяние, дух благородства и интеллигентности.

«Ничего пошлого!» – такова, по мнению некоторых, высшая похвала месту и времени, а также человеку. Однако это предположение оспаривается большинством современников и, действительно, вряд ли созвучно текущему положению дел и вещей.

Погоды и прочие отягчающие обстоятельства

Что весна в этом году не заладится, было ясно заранее.

После бесснежной декабрьской тяготины и закиших в оттепели новогодних каникул зима, остудив столицу и окрестности, завьюжила с полной отдачей. Радость постепенно сменялась недоумением, а после уже и опаской. Техника не справлялась с сугробами, дороги превращались в бездорожье, под наледью ломались деревья и рвались провода.

В борьбе с разгулявшейся стихией прошел январь, полфевраля пролетело, а осадки все сходили с низких небес, температура по ночам опускалась до значительных минусов. Ну никакой тебе февральской лазури! И даже мартовской!

Так, просквозит оттенок в облаках, будто сквозь серый шифон голубая подкладка, и исчезнет. Морозы не отпускают, хоть днем градусы и бродят около нуля. И подсыпается снежок, и подливается водица на и без того непрохожие тротуары. А на углу Писемской и Вяземской жителей поселка поджидает дополнительное огорчение. Недавно сюда приезжал экскаватор и выгребал стихийную свалку, оставив лишь несколько разлетевшихся упаковок и следы шин с глубокими выемками протектора. И вот опять вознеслись горой разнокалиберные емкости с мусором. Целостность их порушена существами в поисках пищи и побочные продукты жизнедеятельности охотно вылезают на волю, бесстыдно предлагая себя на обозрение прохожим.

Те же проходят мимо с независимым выражением, возможно, думая о высоком. О том, что прошлое из категории бытовой перетекло в цифровую, будущее превратилось в проект потребления, а настоящее вышло из берегов и затопило все вокруг мутной волной отбросов. И мир равнодушен к этому нашествию, почти что весь, почти что целиком!

Лишь местный сумасшедший, чернявый и рябой Андрюша Плечин устраивает порой перформансы у помоек: шаманит, кружится, кричит, грозит чумой, пророчит пришествие бледного всадника. Но никому нет дела до апокалиптических видений бедного безумца в рваной одежде и худых ботинках.

Сердобольные знакомцы, увидевши, утешат, отвлекут, домой отведут, в недалекий барак с удобствами во дворе, в каморку с железной кроватью и колченогим стулом. Остальное имущество жена забрала, когда уходила. Даже Андрюшины кисти, краски и пейзажи на картонках унесла, а он неплохим художником был, пока в психбольницу не угодил. Примостят жалельщики Плечина на скрипучее ложе, рваным одеялом прикроют, он и засыпает сразу, храпит, пускает слюни; жизнь его полна ужасов, зато сны, судя по всему, хороши.

Но нынче так пакостно, что ради идеи на улицу не выйдешь, а прохожие они на то и прохожие, чтоб промелькнуть и исчезнуть в туманной дали. На какое-то время жизнь у помойки замирает, даже и хищники разных пород не тревожат ее зыбкий покой.

Дача МОНО

На углу Ломоносовской и Вяземской прячется за редким забором и тесными стволами чуждая архитектурная химера. Немногие мезенцы видали ее вблизи, а еще более немногие знают, что это детище архифантазера Чекушева, в стародавнюю пору населившего Москву и окрестности причудливой псевдоготикой, а после (или до) сошедшего с ума. Химера – бывший особняк управляющего тонкосуконной фабрикой Ермилова, после дача Московского отдела НарОбраза, ныне коммунальное пристанище нескольких семей.

Вычурное строение, подрастерявшее задор и молоджавость в тектонических разломах времен, декларирует победу художественного воображения над здравым смыслом. Излишне угловатую фигуру массивного сруба с одной стороны завершает ступенчатая башня, с другой призматическая терраса-эркер с отдельным входом и кривой пирамидкой наверху. Окна с частым переплетом категорически разнятся размером и формами, многослойная крыша напоминает колонию древесных грибов или головной убор сумасшедшего чародея. Крылечко террасы покосилось, филенчатая дверца забита, дощатую стену украшает граффити: то ли руна судьбы, то ли иероглифический знак огня. На рубленой башне с ломаной крышей и резными консолями подслеповато щурится подштопанное картоном веерное окно. За ним мерещится пожелтевшая занавесь, но, возможно, это отсвет уходящего дня.

Кто, кто в теремочке живет? И живет ли кто-нибудь? Или только мыши, пауки, древооточцы, воспоминания населяют этот фантом?

- Трепыхаемся, – машут разномастные половики на балясинах парадного крыльца.
- Прощаемся, – оповещает выкрашенная веселенькой охрой часть почерневшего сруба.
- Перемогаемся, – посверкивает жестяными заплатами просевшая кровля.
- Коптим небо, – сообщает вознесшаяся над всеми обременениями крыши серая труба газовой вытяжки.
- Прозябаем, – ежатся столетники за щелястой рамой.
- Зажигаем! – возражает стоящая на отшибе ржавая бочка для горючих отходов, и мангал из беседки за углом ей поддакивает.

В кустах у дома прячутся сарайчик летнего душа с пластмассовой емкостью наверху, будка уличного сортира, под навесом приткнулись «жигули» -четверка с инвалидными знаками на лобовом и заднем стекле. В снегу протоптаны дорожки, чуть в отдалении от сосен и елок на яблонях висят побуревшие плоды. Из подзаборной развалюшки слышится бурчание и взлаивание двух дворовых шавок.

Хлопает дверь на тугой пружине, с пологих ступеней крыльца нисходит женщина в резиновых галошах на босу ногу. В руках ее два туго набитых «пятерочных» пакета с мусором. Женщина шлепает через подмерзший двор, пинает калитку. Шавки, толкаясь, высовываются, но, опознав свою, убирают острые морды в утробу обиталища. В такую сырую погоду хорошо дремлет в тепле и темноте.

На улице, вылезая неряшливым боком на проезжую часть, бесстыдно развалилась помойная куча. Чего только в ней нет! Бутылки, коробки и пакеты, битая посуда, ношенная одежда, сломанная техника и обшарпанная мебель, книги, банки с консервными окаменелостями. Венчает это многообразие словно слетевший с хмурых небес безногий и частично безрукий диван с подлокотником в виде лебедя и хрестоматийно вылезшими пружинами. Зябнет под мокрым снегом, смущает вычурной линией деревянной спины и очевидной негрузоподъемностью.

Женщина пристраивает пакеты с краю и, для верности утрамбовав их ногой, хозяйственно оглядывает диван, но разочарованно отворачивается и идет обратно. Скрипит калитка, взлаивают собаки, хлопает дверь. Над вытяжной трубой струится ядовитый парок, из распахну-

той форточки тянет уже пригорелым жареным, из-под крышки отстойного люка бурно выплескивается канализационная вода.

Биологическая активность бьет через край, как ей и полагается.

МОНО: взгляд изнутри

– Яблоки-то пропали, как есть пропали! – сокрушается Петровна, глядя на заиндевевшие, будто присыпанные серой крупной солью, яблони перед домом.

Петровна привыкла, что ее зовут по отчеству. Иногда в поликлинике или на почте по надобности имя полное сказать, задумывается, а после сообщает с сомнением:

– Вроде Татьяной крестили... Да, точно. Татьяна Петровна я.

Имя Татьяна ей не нравится, и ей удивительно, что с ним бок о бок столько времени провела. Она ощущает себя Петровной и никем иным, и сама к себе исключительно так и обращается.

– Давай чайку что ли, Петровна, попьем, – рассуждает она.

С неба сыплет слабый, но упорный снежок, Петровна на кухне попивает чай с сушками, поглядывает в окно и никуда не торопится. Да и куда ей торопиться, она давно на пенсии, и по телевизору в этот час не увидишь ничего хорошего.

– Зараза, – сетует Петровна, – и мать ее такая же была, собака на сене. Сама не гам, и тебе, говорит, не дам. Вишь ты, они у нее посчитаны! И пропали прямо на дереве! Ни дна тебе, ни крыши, кулацкое отродье!

– На кого ругаешься, Петровна?

В кухню входит сосед, Виктор Степанович, мужчина неопределенных лет, наружности и занятий. Он пенсионер по инвалидности и широко известен узким мезенским кругам в качестве умельца на все руки. Степаныч, как его кличут соседи и знакомые, может бюджетно отремонтировать что угодно, от унитаза и автомобиля до часов и телевизора, ну а если не получится чего починить, так честно и скажет.

– Нет, – скажет. – Ничего не выйдет. Тут тестер нужен.

Или:

– Деталька одна сломалась, сейчас таких не делают уже. Пробовал проволокой прикрутить, не держится.

А то еще добавит:

– Медицина здесь бессильна.

Потому что Степаныч еще и общепризнанный юморист.

Петровна легкий тон не поддерживает, она не на шутку раздосадована видом испорченных плодов.

– Да на Тоньку я ругаюсь, из-за яблок, – сердито сообщает соседу. – Просила, дай соберу, а она – самой надобно. Все поштучно пересчитала, записала на бумажке и смылась. Вместо «до свиданья» сказала: если не досчитаюсь, с тебя спрошу, Петровна, чтобы на чужое добро губу не раскатывала.

– Где она, Тонька твоя! – машет рукой Виктор Степанович, ставит на газ синий эмалированный чайник и разворачивает промасленный сверток. – Беляши будешь? Свежие. Девчонки в «Нотариусе» только пожарили.

С тех пор как в цокольном этаже трехэтажного торгового центра, прозванного по самой большой вывеске «Нотариус», открылась «Домашняя столовая», Степаныч, как и некоторые другие мезенские холостяки, вконец разленился и готовить почти перестал.

– Буду, – отвечает Петровна.

От жаренного в масле теста у нее болят кишки и приключается понос, но это не повод от дармового угощения отказываться.

Беляшом, куда «девчонки» накрутили жил вместо мякоти, Петровна давится, но кое-как твердый комочек чаем проталкивает и от критики дипломатично воздерживается.

– И не моя вовсе эта Тонька! – продолжает она светскую беседу, начатую до появления беляша. – С лета носа сюда не сунула, а яблоки пропали совсем.

– Имеет право, – замечает Виктор Степанович. – Ее собственность, чего хочет, то и делает.

– То-то и оно! – не одобряет Петровна. – Собственница! Что хочу, то и ворочу. И в Гушино у нее квартира, и тут у нее жилье. Жаль, некому сейчас поприжать таких.

– Окстись, – укоряет Виктор Степанович. – В Гушино мужа квартира, а комнаты от родителей остались. А яблони еще отец Тонькин сажал.

– И чего теперь, пусть все пропадает? – поджимает губы Петровна. – Не понимаю я вас, молодежь. Кругом бесхозяйственность, а вам трава не расти. Оттого и кризис.

Польщенный причислением к молодежи Степаныч расплывается в улыбке.

– Катька столетники засушила, – продолжает ворчать соседка, стоя у подоконника. – И мне поливать не дает. Говорит, ты уже один уморила. А столетники не ее, они общественные. Полить что ли, как ты думаешь, Степаныч?

– Я бы не стал, – с трепетом отзывается Виктор Степанович. – Катька – сила. Алевтину вчера пихнула, та и брык с копыт! Ольгуня потом еле до комнаты дотащила.

– Вот у девки судьба! – качает головой Петровна. – Бабка померла, мать алкоголичка.

В этот ровно момент вышеупомянутая Ольгуня мелькает за распахнутой кухонной дверью, пробегая во двор.

– Чего это она? Не поздоровалась даже! – теряется Петровна. – Воспитание нынешнее!

– Ревет вроде, – сообщает, глядя в окно, зоркий Степаныч.

– Да ну? – не удивляется Петровна. – А куда пошла?

– На улицу вроде побежала.

– Ничего, вернется, когда проревется, – обнадеживает Петровна. – И то, заревешь от такой жизни. Ничего, выросла уже, справится. Да и что ей еще остается?

– Это ты точно подметила, – соглашается сосед, и они расходятся по своим комнатам.

Ольгуня: котенок

Котенка кто-то добрый не утопил, принес в обувной коробке с подстеленной тряпицей к церковным дверям.

Матушка Александра, отпиравшая с утра тяжелые ворота, обнаружив подношение, не обрадовалась. Тем более что котик был вызывающе черен, пусть и с коричневым подтекстом в пушистой шерстке. Черные коты и собаки обитателями подворья не приветствовались, в них подозревалось враждебное присутствие, требующее чурания и плевков через левое плечо.

Хотела было суровая Александра вынести подарок за ограду, но котенок был безвинно мал, трогательно угловат и еще не умел мяукать, попискивал жалобно и заискивающе.

Александра, здешний бухгалтер и завхоз, которую в знак уважения называли матушкой невзирая на светский статус, попросила небеса о вразумлении. В ответ сердце ее дрогнуло, и она приняла это за знамение свыше. Отнесла коробку в воскресную школу, где кухня располагалась: тут батюшка трапезничал, а особо приближенные хозяйничали.

– Себе не возьму, у меня и так две кошки, – сказала за утренним чаепитием. – Кто примет малыша, хорошее дело сделает во спасение души.

Народу много было, человек десять – певчие, трудницы, да и просто *свои*. Но никто крохотного иждивенца пригреть не торопился.

– Придется Пинне отдать, – подытожила Александра.

Пинна была местная блаженная, птица небесная. Питалась, чем подадут, из имущества берегла только библию в кожаном переплете, медное распятие и неизвестно откуда взятый полированный гроб, который возила за собой всюду. С ним и осела в Мезне, в полуразвалившейся части ветхого домишки с отдельным входом, где призревала и всю бесхозную живность, встреченную на пути.

Собаки и кошки целиком занимали унавоженную и блохастую территорию, болели, дохли и исправно заводились вновь. На прокорм иждивенцев уходила почти вся немалая Пиннина пенсия блокадницы.

– Помрет он там, но что же делать-то остается? – риторически возгласила матушка.

– Я возьму, – не выдержала Ольгуня.

Она сидела в уголке кухонного диванчика с котенком на коленях. Тот молочка попил, помурчал и уснул. Матушка и прочие покосились, кто жалостливо, а кто с недоверием, но вслух никто не высказался. Облегчила девочка всех, вот и хорошо.

Ольгуня принесла котенка в коробке домой. Мать долго ругалась, но не выгнала на мороз. Братишки-погодки, пятиклассники Миша и Саша, приехав на каникулы из интерната, новой игрушке обрадовались, назвали за шоколадный отблеск шерстки Сникерсом. Кот оказался умненьким, газетку для нужд освоил. Сначала робел высовываться, но постепенно стал выбираться за дверь, исследовать новые пространства. Вышел как-то во двор и не вернулся.

Ольгуня написала объявления о пропаже, а Мишка и Сашка с товарищами по всему поселку налепили на фонарные столбы. Неделя прошла, никто не думал откликаться. Мальчишки искали, в закоулки заглядывали, звали и «кис-кис» кричали, но выходили навстречу коты чужие, взрослые, смотрели с неодобрением. Братья в интернат вернулись, а Ольгуня так и бегала до и после школы по Мезенским улицам, следила, не мелькнет ли в снегу черная шубка.

А сегодня днем мать проснулась с похмелья, помятая, мрачная, поводила за дочерью глазами и говорит:

– Хватит дурью маяться. Нету твоего Сникерса. Его Тузик с Шалавой порвали насмерть. Я ошметки в уличный туалет выкинула.

Тузик с Шалавой были собаки небольшого роста и ума, зато склочного нрава. Прикормил их с улицы сосед Виктор Степанович, в старом курятнике ватное одеяло кинул и крышу подлатал. Обьедки собакам соседи исправно выносили, потому что все равно куриные кости, плесневелый хлеб и старые щи пропадали зря. А тут на дело пошли, на охрану.

Пришлецы же лезли во все щели, однажды летом цыганское семейство во двор просочилось. В комнату к Петровне молодуха в пестрой юбке зашла. Петровна после рассказывала, что обомлела и еле руками от незваной гостьи отмахалась.

– Кыш, – кричала почему-то, – брысь!

Да так громко шумела, что соседи сбежались и молодуху всем миром обратно выперли.

Но более всего туристы замучили. Вьются кругом как мухи, будто им медом намазано. Повадились чуть ли не в окна фотоаппараты наставлять. То автобус экскурсионный подъедет, то одинокий краевед у крыльца шляется, делает вид, что снимает на телефон, а заодно, где что плохо лежит, высматривает.

Потому вздорные Тузик с Шалавой пришлось как нельзя кстати. Гуляли они меж домом и помойкой, где встречались с друзьями и гоняли конкурентов. Но и дворовую службу несли, особенно звонко облаивали врачиху и почтальоншу, за то, что те приходили с сумками, а еды не приносили. Петровна в дни пенсии Валю у калитки дожидалась, а после провожала к себе с почетом, прикрывая тылы объемистым корпусом.

На кошек шавки устраивали облавы, загоняли на деревья, и те подолгу висели на ветвях, оглашая окрестность мявом и ревом, звали на помощь, Хозяева приходили, отгоняли собак, уносили домой свои сокровища.

Сникерс был еще мал и оттого не испугался вовсе, и не пустился наутек, стал легкой добычей, как некогда залетевшая во двор неизвестно чья курица. Курицу у Ольгуни на глазах собаки растерзали на части, только кровавые перья полетели. Шалава сразу выкусила ей живот, Тузик голову оторвал.

Ольгуня бежит по улице и оплакивает все свои потери.

Ее школьная подруга, толстая Танька, например, в жизни покойника не видела. Все родные и близкие у нее целы и невредимы, полный дом народу: родители, сестра, две бабки, два деда, дядька, кошка, собака и облезлый волнистый попугайчик.

Танька про мертвецов и думать боится, хотя все расспрашивает, как это получается, что был человек и нет его. Если честно, Ольгуня и сама не знает. Хотя отец ее погиб и бабушка умерла, а в церкви они усопших отпевают, только те уже как бы и не люди, просто куклы с закрытыми глазами, венчиком на лбу и свечкой в крестообразно сложенных руках.

Ольгуня и не пытается представить себе то, что за гранью, это кажется ей далеким и непостижимым. Во время церковной панихиды, когда доходит до слов «Житейское море зря, воздвигаемое напастей бурей, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой...», слезы сами катятся по щекам и голос дрожит, когда она звонко вступает с хором:

– Покой, Господи, души усопших раб твоих.

Голос летит под высокие своды и растворяется под куполом, отчего кажется, что просьба доставлена по назначению и дальше все будет неизвестно как, но хорошо.

Но теперь Ольгуня не понимает, куда делись тепло и мурлыканье погибшего котенка. Говорят, у животных нет души. Значит, Сникерс исчез навсегда, нигде уже не пьет молоко и не играет с бумажкой? Невинное существо, никому не причинившее зла?

Ольгуня начинает рыдать с удвоенной силой от чувства вины, оттого что она не оплакивала с такой скорбью близких людей. Уговаривает себя, стыдит, но ничего не помогает. Грудь разрывают болезненные спазмы, плача, она бежит по улице не разбирая дороги и благодарит омерзительную погоду за то, что вокруг безлюдно и лицо ее мокро не только от слез.

И утыкается в неожиданное мягкое препятствие на своем отчаянном пути.

Мария

Влажный воздух под набухшим небом напоминает вязкий кисель, и словно Изабель, глядящая на дождь в Макондо, так же безысходно и бесконечно, Мария смотрит на снег, то сыплющий, то льющий за окном. От холода ли, хмурости, дефицита ультрафиолета и серотонина созерцание становится меланхоличным, если не сказать депрессивным.

Дела не двигаются, работа стоит, день проходит, а за окном все те же неизбывные сумерки мокрого погоды. Или как это назвать? Определения на ум приходят блеклые, с противными приставками: ненастье, межсезонье, *недовесна* – неудачница.

Мария решает стряхнуть оцепенение и выйти на прогулку.

Надевает резиновые боты на меху, непромокаемый пуховик с капюшоном. Вряд ли в ближайшее время есть шанс примерить что-нибудь радикально противоположное. В проплешинах меж сугробов застыла мутная вода, у калитки налилась и замерзла лужа, за калиткой мокрый снег растоптан в кашу.

Она идет куда глаза глядят. Проходит мимо огромной мусорной кучи, от которой отчетливо, несмотря на холод, потягивает разложением, словно внутри кучи устроился, по определению одной недавно читанной детективной авторши, «мертвый труп убитого покойника».

Уныло мокнут в снежной каше книжные тома в цветах «кремлевского бордо»: некто избавился от унаследованных трудов бывшего великого вождя. Полное собрание сочинений Ульянова-Ленина, все 55 томов. Книги выложены ступенчатым зиккуратом, некоторые раскрыты, похоже, их листали, вот только кто и зачем?

Венчает кучу диван, не простой, антикварный. За время службы он обезножил и частично обезручил, облез и перекосялся. Из растерзанных недр хрестоматийно торчат пружины, однако деревянный лебедь, раскрывший клюв на уцелевшем подлокотнике, вызывает к лучшим чувствам ценителей мебели старины. Мария к таковым себя не относит.

Горсть ледяной крупы залетает под капюшон, она опоминается и видит, что небо темнеет, занавешивается многослойными тучами, а по пустынной черно-белой улице навстречу кто-то бежит.

Мария узнает Ольгуню, знакомую по редким посещениям церкви. Та поет в хоре, иногда торгует в свечной лавочке. Вблизи ей можно дать лет тринадцать, издали же благодаря хрупкости кажется она не более чем десятилетней. Личико у Ольгуни под стать фигурке, с мелкими чертами, с утиным носиком и неожиданно большим ртом. Сейчас оно кривится и по нему текут крупные слезы.

Мария встает посреди дороги, и девочка налетает на нее, утыкается прямо в грудь. Она раскрывает руки, притягивает Ольгуню к себе, та дрожит и всхлипывает. И вправду недоросток-недокормыш по ощущению птичьей невесомости тельца.

Мария спрашивает:

– Отчего ты плачешь? Что-то случилось?

Ольгуня рыдает.

Они стоят какое-то время, обнявшись.

Мария чуть ослабляет хватку, Ольгуня, застеснявшись, выворачивается из ее рук.

– Извините, – лепечет и пускается бежать по улице вдаль.

– Постой, куда же ты? – обескураженно спрашивает Мария. В ответ с небес сходит лавина мокрого снега и приходится поторопиться домой, где ее совершенно никто не ждет.

Разувшись и сбросив пуховик у входа, ступая в чулках по теплому полу, Мария достает и проверяет смартфон: звонки, мессенджеры, почту.

Пусто, даже спам куда-то подевался. И Саша не звонит. Последний раз разговаривали с ним позавчера, коротко, сухо. На вопросы о житье-бытье отвечал неопределенно, приехать не обещал.

Мария высвечивает контакт мужа, слушает длинные гудки, потом автоответчик. Она всегда теряется, не может с ходу сообщение наговорить. Пока собирается с мыслями, аппарат начинает жужжать и прыгать в руке, сияет на экране насупленное Сашино лицо (в последнее время ни одной фотографии с улыбкой).

– Чего? – спрашивает он.

Это такое приветствие, видимо.

– Занят сейчас. Все нормально?

– Нормально, – отвечает Мария, не успев поздороваться, – только погода неприятная, и на душе тяжело... Хотела еще спросить, как дела у тебя? В Мезню не собираешься?

– А ты приезжай в Москву, проветрись, – перебивает муж. Мне недосуг сейчас. Давай, пока.

И телефон отключается.

Что значит «недосуг»? «Давай, пока»? И вот это еще – «проветрись»?

– Проветрись! – с досадой повторяет вслух Мария. – Словно я залежалась, как вещь. И теперь плесенью пахну или нафталином.

И вправду надо ехать в Москву, в театр сходить, на выставку, по магазинам. А то что такое «проветрись, а мне недосуг»? Никуда не годится!

Она тщательно наносит макияж, переодевается в свежее, нарядное, городское. Кладет в сумку ключи, кошелек, телефон. Вызывает такси. Выходит на улицу и идет к перекрестку, потому что водитель наверняка ошибется адресом.

Один из соседних домов в глубине стоит, к нему ведет проезд с другой улицы. В последнее время все службы, и доставка, и курьерские, и такси по навигатору в этот тупик уезжают. А там глухие ворота, развернуться негде, по обеим сторонам забор. Саша даже в интернет-карты писал, что надо метку переставить, но та упорно на прежнем месте оказывалась.

Маша предпочитает не спорить, не нервировать водителей, доказывая, что потерялись они не по ее вине. Просто отправляется туда, где обозримыми векторами простираются четыре улицы, четыре стороны света: Пушкинская, Вяземская, а также Толстовская, переходящая в Достоевскую, отчего местные умники предсказуемо называют обе одним именем – Толстовская.

Ася

Ася наблюдает, как подъезжает такси, и соседка выпархивает к нему вся в цивильном, не иначе в Москву собралась. После бинокль откладывает и шаркает вниз. На улице ничего интересного не предвидится, можно спокойно выпить чаю и посидеть за компьютером. Кто бы мог подумать, что последнее станет ее основным занятием и развлечением!

Устройство Ася освоила уже будучи на пенсии, под угрозой репрессий со стороны дочери. Та привезла ноутбук и велела начинать пользоваться. Ася долго училась адскую машинку включать и выключать. Потом все куда-то забредала в дебри и выпутаться не могла.

Постепенно начала осваиваться, оглядываться, смелеть и даже немного распоясываться. Оценила безграничность возможностей. Освоилась в соцсетях, Вконтакте и на Одноклассниках похулиганила – увлекательнейшее оказалось занятие. И постепенно Ася больше всего на свете, больше сериала по телевизору, походов в магазин и визитов к терапевту за лекарствами полюбила великий и могучий интернет.

Дочь, когда приезжает, не устает Асей восхищаться.

– Ты, мать, компьютерный гений, – говорит.

Ася не спешит Адельку разубеждать. Незачем той знать, что гениальность ее не врожденная, а приобретенная за деньги, и зовется Роман.

Ромка, юнец противный, плюгавый, прыщавый, вечно нудит, клянчит, все ему не хватает на какую-то приблуду. Первое время Ася никак не могла понять, что это такое, подружка или домашнее животное, но потом разобралась. Также и различные прочие премудрости освоила: и прокси, и впн, и анонимайзеры. А до того куда только ни заходила, чего только ни навидалась. Вирусы ловила влет. Как в кошмаре: открываешь ноутбук, а на мониторе хорошо, если казино «Вэлкам», а то и сказать вслух стыдно. Ася за голову хваталась, а потом за телефон – Рома, спаси!

Рома приходил, исправлял, объяснял. В придачу к купюрам потреблял килотонны сухого корма любого свойства: чипсы, засохшие карамельки, позавчерашний батон. Ася предлагала супчику налить или сардельку сварить, но тот категорически отказывался, из жидкого и горячего употреблял только чай. На этом горючем он лихо серфил интернетную волну, мог нырнуть на дно, взлететь в небеса, притворитьсядохлым жуком, подчистить следы и увильнуть от возмездия. Тем более что фемида виртуальности, слепая и неповоротливая, напоминает не стройную даму с повязкой и мечом, а безглазого голема с первобытной дубиной в глиняной конечности.

Да и шут бы с ней! Ася мало чего боится в этой жизни. Она пожилой человек, пенсионерка с честно нажитыми диабетом и гипертонией, из тех, что мобильный телефон освоили, но смс-ки набирать не справляются. Всей радости – пройтись во двор и обратно, чаю попить со сладостями, по телевизору посмотреть ток-шоу, прогноз погоды и криминальные новости. Пусть кто-нибудь попробует обратное доказать!

Она допивает чай, залезает в онлайн-карты, снова передвигает метки соседских домов и неспешно отправляется наверх, в башню, с зефиром и с биноклем. Если повезет, то курьер с пиццей появится, а если очень повезет, то и длинномер какой-нибудь доставочный.

Везение, как известно, можно и самостоятельно организовать, если предоплата товара не требуется. В прошлый раз Ася отлично повеселилась, когда мебельный фургон из узкого и длинного тупика задним ходом выбирался.

Флешбэки

Ольгуня

Ольгуня-старшая, бабушка Ольгуни-младшей, была лгунья.

Лгала про отца, говорила, что погиб в аварии. Соседка Петровна просветила: того, пьяного, вынесли неверные ноги под несущийся по дороге КамАЗ.

– А с КамАЗом шутки плохи, – встрял Виктор Степанович, автоэксперт, – КамАЗ десять тонн весит! Анекдот знаешь? Почему КамАЗ останавливается на красный свет? Потому что поперек может выехать другой КамАЗ...

Невестку свою, Ольгунину мать, бабушка называла деревенской дурой и алкоголичкой. А та вовсе не была глупой, просто так сложилось, что начала детей рожать, едва успев школу окончить. К бутылке же пристрастилась благодаря мужу, что сам пил и ей наливал.

Но главной ложью оказались бабушкины обещания. Она все Ольгуне повторяла:

– На мать надежды нет, но я тебя попечением не оставлю.

Поначалу и не оставляла.

Как братики-погодки появились и стало их пятеро на пятнадцати метрах, забрала шестилетнюю внучку к себе в комнатку. Поставила раскладушку, столик освободила для занятий. Учила молитвам, в церковь водила по воскресеньям.

Мать сердилась, но поделать ничего не могла. Бабушка одним словом невестку окорачивала.

– Уходи! – и дверь закрывала перед носом, когда та являлась скандалить.

Братиков они к себе ночевать брали, когда отец погиб, а мать устроилась посменной уборщицей на круглосуточное производство. Бабушка кашей накормит, Ольга книжку почитает, они и засыпают на кровати валетом под одним одеялом.

Потом Алевтина как одинокая и многодетная сдала Мишку и Сашку в интернат. Хотела дочь туда пристроить, но бабушка не позволила.

– Сама выращу, – сказала.

– Трудно с мальчишками, – позже пояснила Ольгуне. – В казенном доме их лучше управят. А мы с тобой вдвоем тихо-мирно проживем.

И вскоре после того померла.

Целый день они тогда белье настирывали, и свое, и братиков, и «пьяницы безголовой». Вечером Ольгуня-старшая пожаловалась на слабость, прилегла в одежде на кровать и заснула. Младшая потихонечку помолилась, свет погасила и тоже легла, а наутро оказалось, что бабушка уже холодная и не дышит. Врачи сказали, несколько часов как скончалась.

– Праведница была, оттого легкую смерть Господь послал, – переговаривались тетки на отпевании. – Это счастье, так уйти. Не болела, не мучилась...

Ольгуне-младшей это не казалось счастьем. Но она стала лгуньей по примеру бабушки, начала обманывать себя, притворяясь, что верит в жизнь вечную, ходила в храм за утешением, плакала о том, что человек слаб, подвержен губельному разрушению. Пела на клиросе, помогала посылно по хозяйственным делам.

Церковные тетушки ей приработки находили. С детьми посидеть, дом прибрать, стариков присмотреть, в магазин им сходить и прочее. Алевтина уж и не думала дочь никуда сдавать, все домашние заботы были на той.

Порой в приступе острой алкогольной недостаточности Алевтина в нетерпении ждала дочь, чтобы перехватить копейку. Знала, что та бережливая, денежку, хоть и маленькую, старается копить, откладывает.

Просила:

– Слышь, доча, дай мне рублей сто, или лучше двести. Душа не на месте, надо поправить.

Ольгуня доставала из потрепанного кошелька одну или две бумажки по сто рублей, протягивала матери. Молча. Просящему дай.

Алевтина тут же ноги в сапоги, шальку, пуховик. Одежда хорошая, теплая, почти неношенная, тоже Оля из церкви носит, жертвуют. А чего не жертвовать, если вещи девать некуда? На помойку теперь и то бесплатно не отнесешь.

– Спасибо, выручила. Ты не думай, с полочки отдам я.

И бегом, только двери хлопают.

Был у матери определенный кодекс чести, пообещав, она отдавала долги, если про них помнила, конечно. Но Ольгуня всегда отказывалась отдачу принимать.

Мария

Мария со школьного детства привыкла к отторжению: девочки шептались о чем-то важном и замолкали, стоило ей подойти. Однажды десятилетняя Маша спросила одноклассницу в неформальном общении, во дворе:

– Ань! А что в классе про меня говорят?

Аня посмотрела с сомнением, но не удержалась от искушения ответить:

– Говорят, что ты задавака и воображала.

Маша даже не обиделась, настолько сказанное не соответствовало действительности. Она была воспитанной девочкой из приличной семьи, не занудой, не доносицей, хорошо училась и всегда была готова помочь.

Мария росла, и росла полоса отчуждения.

Девочки прибегали к классручке, шептали в большое вялое ухо.

– Вот вы, Елена Александровна, краситься запрещаете, а Добровольская ресницы подводила в туалете, – сообщала одна.

– Ага, и румянилась, – подхватывала вторая.

– Ябедничать нехорошо, – лицемерничала классная в предвкушении возможности умыться слишком яркое девичье лицо.

Мария не красилась. Просто у нее были ресницы. Длинные, густые и темные, даже и на самых кончиках. И еще она постоянно краснела, давая поводы: мальчикам заглядываться исподтишка, девочкам завидовать, классной руководительнице, измученной неудачами в личной жизни, умывать ее ледяной водой. Результат злопыхательниц не радовал – ненавистные ресницы слипались от воды и становились словно бы еще гуще и темнее, противные щеки виновницы, понятное дело, полыхали вовсю. Молодой географ как-то замер, открыв рот, посреди школьного коридора, с кипой журналов и контурных карт под мышкой. Так бы и стоял, хорошо, звонок прозвенел, отрезвил юношу. А всего-то Маша вышла из туалета, очередной раз умытая по клеветническому доносу.

Хорошенькая, говорили знакомые. Прохожие и незнакомые засматривались. Мужчины были назойливы, порой чересчур. Больше ничем и не обернулась для нее ее так называемая красота.

Закончила школу она с двумя четверками в аттестате. Получила скучное вечернее образование, закончила исторический факультет педагогического института, будучи на кафедре секретаршей. Удобно – поработал и пошел на занятия. Спокойно – никто из преподавателей «своих» не обижал.

За ней ухаживали средних лет лысоватый рыхлик-доцент, чуть помоложе волосатый хлюпик-аспирант; намеки позволял себе и исполняющий обязанности завкафедрой предпенсионного возраста. Интрига развлекала институтских дам, но Марианна быстро лишила их удовольствия наблюдать, гадать и сплетничать, выйдя замуж за однокурсника Сашу Головина.

– Много мускулов, мало мозгов, – безапелляционно охарактеризовала молодожена куратор курса Раиса Викторовна.

– Для этого дела мозгов не надо, – сообщила почасовичка Алла Францевна, сухая старушонка, торопливо обжигаясь чаем (ей надо было спешить на занятия в следующий вуз, а это сорок минут общественным транспортом).

– Зато мускулы для этого дела в самый раз, – мечтательно вздыхала Зоя, девушка сорока лет, самая молодая в компании преподавателей.

– В общем, дура, – подвели они итог – надо было Борисыча брать.

Петр Борисович был тот самый *ио*, что испытывал непреходящий интерес к студенткам, и часто приглашал их на индивидуальные консультации. Прежде чем лишиться должности

(очередной первокурснице не было восемнадцати, но зато у нее был грозный папа), он протаскивал Марию с ее хлипкой диссертацией по всем научным фарватерам. Безвозмездно, если не считать пары тысяч долларов на мелкие расходы чиновникам от образования. Безумные по тем временам деньги (можно было комнату на них купить или дачу небольшую), тоже не стали проблемой – Саша уже «крутился», зарабатывал.

«Остепенившаяся» Маша получила должность на кафедре *геополитики* в очередном выросшем на политой амбициями и взятками академической почве университетском новообразовании. Благодаря тем же связям бывшего *ио*. В учебном заведении головокружительно одновременно обучали востребованным специальностям нынешнего дня – социологии, психологии, маркетингу, дизайну и рекламному делу.

Она всегда прелестно выглядела и этим словно отвергала возможность ментальной конкуренции. Была не жадна и не скандальна, потому не завела явных врагов; а тайных обескураживала хорошим отношением. Нынче считалась старожилом, и ей многие вольности позволялись, свободный график работы, например, и дистанционные курсы вести. Начитаешь лекцию, выложишь и свободен. Ну если только видеоконференция или семинар... так это лишний повод нарядиться.

Сын у них с Сашей получился как раз после ее защиты, чудный малыш. Улыбчивый, покладистый, не капризничал, болел редко. Родители переехали в Ленинград, где отцу предложили работу, оставив им трехкомнатную квартиру. Сын вырос, выучился. Постепенно тесная квартира в останкинской панельке стала для их семьи маловата.

Когда Денис, сын, занял отдельное помещение, а Саша завел в спальне и в гостиной плазменные экраны, непрерывно, как птичий двор, болбочущие крикливыми голосами, Марии зачастую приходилось в ванной спасаться. Благо, ванна большая, отдыхай, на надувной подушке полеживая. Да особенно не залежишься, при совмещенном санузле.

Все собирались купить что-то просторней, престижней, только руки не доходили. А потом Денис снял жилье и съехал. Вырос мальчик, а Мария и не заметила, как.

– Может, дом обновим мезенский? – спросила она мужа.

Дом в ближнем поселке был родовым гнездом Головиных, и пустовал со времени смерти его родителей.

– Умница, – Саша пребывал в превосходном настроении, приподнятом и игривом. – Сам об этом думаю. Стародачное место, Москва рядом, пятнадцать минут, и ты на месте.

Тогда же все и решили.

Конечно, дорога занимала вовсе не пятнадцать минут. Это Саша как за руль сел в восемнадцать лет, так из-за него и не вылезает. Марии водить автомобиль категорически не понравилось. Машина была тяжелой и громоздкой, слушалась плохо, на пути постоянно встречались препятствия, любая опасная ситуация выбивала из колеи, лишала душевного равновесия. Курсы вождения Маша закончила, получила права, положила их в бумажник и забыла о них с облегчением.

– Давай тебе женскую машинку купим, – неоднократно предлагал Саша.

– Какая она, женская машинка? – спрашивала она.

– Ну такая... красненькая, – отвечал он.

– Я красный цвет не люблю, – говорила Маша, и их разговор на этом заканчивался.

Ася

Ася может себе позволить некоторые вольности. Когда государство приказало долго жить, оказалась в числе наследников, пусть и не первой, и даже не десятой очереди. Она бумаги на землю оформляла. Доход, конечно не тот, как если бы госдачи, пионерлагеря и сельхозугодья распродавать, но благодарности капали, а иногда и струйкой текли. Ася деньги не копила фанатически, она ими распоряжалась. Детям образование дала, купила квартиры, машины. Дальше – сами справляйтесь. Дочке подкидывала на булавки тайком. Сын узнавал, упрекал, что она Адельку больше любит.

Адель, дочь, Ася и вправду больше любила, а Руслана, сына, больше жалела. Потому что мужиком быть ноша трудная, для многих неподъемная. Вот муж Асин, взял и сошел с дистанции. Не выдержал перестройки, не вынес перемен. Ныл, жаловался, после на диван лег. Полгода лежал, телевизор смотрел, только на поесть и оправиться отвлекался. Ася не вытерпела. Согнала с дивана и отправила туда, откуда пришел, в Зюзино, в комнату коммунальную. Он съехал, там вскорости и инфаркт его скосил. Дети к происшедшему отнеслись с равнодушием, их раздражало, что отец на диване лежит, вместо того чтобы об их будущем заботиться. Асе тоже хорошо, свободно стало, никто не пыжится, внимания не требует постоянного.

С годами пополневший и полысевший, Руслан стал напоминать Асе своего отца и ее мужа, Лаврентия, бездельника Лаврика. Только вот Русик работает день и ночь, а Наталья, невестка, лишь приказывает: то хочу, этого давай. Ася бы давно вмешалась, если бы не внуки. Внуков Ася любит больше всего на свете и ради них готова даже их мать терпеть.

Адель же непутевая до сих пор не замужем. Скоро сорок, а все кавалеров перебирает. Она, как мать, пухлая и не сильно взрачная, но голодом себя морит, волосы наращивает, ногти клеит, в морду уколы делает и получилась из нее почти настоящая звезда.

Матерью она командует, то велит ко врачам идти, то зарядку делать, то на диету сесть, то компьютер с интернетом осваивать. Ко врачам Ася ходит, куда деваться, про зарядку и диету забывает. Но компьютер с интернетом осваивает, да. Потому что там ты становишься, кем захочешь и делаешь, что хочешь, но главное, получаешь власть, а она, пожалуй, в этой жизни слаще и приятнее всего.

В целом Ася наслаждается безответственностью старой, толстой и финансово состоявшейся женщины. Активы ее умело распаханы по разным «корзинам». В них, помимо банковских вкладов и стандартного золотишка, квартирки, двухкомнатная в Москве, пусть и в Бибирево, а также трехкомнатная в Гущино. Жилье покупалось через сослуживицу по Гушинской администрации. Дочка с маминой поддержкой риэлти-фирмочку организовала и неплохо преуспела, надо сказать. Учет участков и домов частного сектора всего Гушинского района через Асины руки проходил. Услуга за услугу. Ася информацию, ей – выгодные предложения.

Тогда же, в девяносто шестом, мезенская земля ей удачно подвернулась. Асе давно поселочек глянулся. Расположился рядом с колхозным Звягинцевом и с промышленным Гущино. Но стоял особняком и свысока поглядывал. Сквозь сосны да ели.

Да, в Мезне были сосны, ели, широкие улицы, красивые дома, солидные участки, неспешные люди в сарафанах и шортах. А за железной дорогой – избушки, колодцы, частоколы, куры, гуси, глухие закоулки и рабский колхозный труд. Широкие песчаные пляжи и заповедные луга Мезни тут переходили в вытопанные общественные выпасы, над которыми вились слепни и оводы. Да и сама речка теряла размах, превращаясь в болотистый ручей, петляющий меж глинистых откосов.

В Звягинцеве начальная школа и филиал райпо, а в Мезне школа средняя, детский сад, рынок, клуб с дискотекой, кинотеатр, молочная, хозтовары, культмаг, аптека. Вот такая несправедливость!

Ася росла в Гущино, а бабушка с дедом по матери жили в Звягинцево. Бабушка носила летом ситцевый халат, зимой поверх телогрейку, а также во все времена года резиновые сапоги. Дед даже летом телогрейку не снимал, и пахло от него табаком, а больше Ася ничего не помнила, он умер, когда она маленькой была. Каждое лето она проводила у бабушки, в небольшом засыпном домике на улице под названием Пионерская. Рядом Советская, Школьная, Центральная, чуть поодаль – Ленина, Куйбышева и Коминтерна. Все Звягинцевские улицы упирались в поля да коровники, кроме Шоссейной, что прямо в Гущино вела, через кооператив «Здоровый Быт».

Так оно там все и осталось, только коровники развалились, поля заросли сорняками и борщевиком, избушки кое-где приросли кирпичными пристройками, а на самых унавоженных местах, где в чахлые струи Мезни впадает мелкая речка Метелица, воздвигся за стеной элитный коттеджный поселок с гордым именем Мезня-2.

Ася в свое время руку приложила к переводу этих земель из сельхозназначения, но жить в Мезне-2 ее не тянуло. А вот Мезня первая, хоть и обветшавшая, утратившая аристократический лоск, притягивала Асю неодолимо. Повезло, ухватила она старый участок, хоть и изрядно обкусанный наследниками: вместо сорока соток десять с дощатой развалиной в нагрузку. Вычистила территорию, возвела кирпичный дом в три с половиной этажа, и наблюдая с башенки за копошением соседей, напевала под нос:

– Живет моя отрада в высоком терему...

Ася знает, что ее личная отрада в терему обитает и более нигде. Тут она впервые в жизни почувствовала себя счастливой. И окончательно свободной. Свобода, правда, и без счастья бывает, а вот наоборот вряд ли случается.

Дача МОНО

Ольгуня

Хмурый слякотный день сменился таким же вечером, в домах стали зажигаться огни, вспыхнули и замигали уличные фонари. Они не столько освещали путь, сколько размывали перспективу, и редкий мезенец, спешащий домой после трудового дня по скользким тропинкам и рыхлому снегу, не поминал тихим словом природу, погоду, состояние души и местную администрацию.

Калитка хлопнула, залаяли собаки. Желтые пятна уютного домашнего света оживляли неприкаянный двор. На крыльце лежали мокрые половики, забота Петровны, нисколько не исполнявшие своего гигиенического назначения.

По дороге в свою комнату Ольгуня хотела в уборную зайти, но из нее вышел сосед, и по причине неуместной обонятельной чувствительности она раздумала следом за ним заходить.

– Здрасьте, дядь Сереж, – пробормотала и мимо шмыгнула.

Сосед в ответ кивнул и продолжил кивать, уходя по темному коридору.

Ольгуня прошла по коридору, никого более не встретив. Сняла пуховик и «баретки», как мать зимние ботинки называла. Заглянула к ней, пусто. Поднялась по скрипучей лестнице на второй этаж, достала ключ из-за косяка, отперла хлипкую дверь. За ней, как и при бабушке, были тишина и покой. Шкаф, стол, кровать, коврик на стене, словно доброжелательные престарелые родственники, излучали приязнь и одобрение.

Ольгуня достала из кармана кнопочную «нокию», включила – никто не звонил.

Телефон «для работы» втайне от матери купила в ларьке у знакомого дяденьки. Он продавал за семьсот, но уступил за пятьсот, у нее больше денег не было. Номер знали лишь церковные, классная руководительница и толстая Танька. Та сказала:

– Олька, давай я тебе старый мамкин самсунг принесу. Все равно без дела валяется. А без телефона как без рук, да что там без рук, как без головы.

Ольгуня покраснела, как рак, и призналась, что телефон имеет, только страшный и старый, в школе его не включает, чтобы перед ребятами не позориться, дома – чтобы мать не увидела и не отобрала. На службе тоже не включает, потому что это грех.

– А когда включаешь-то? – поразила Танька.

– Проверяю иногда... ну и когда работаю, хозяева звонят, – еще гуще покраснела Ольгуня. Но номер Таньке дала, и они договорились, что Ольгунин телефон будет их секрет.

На столе лежала библия с евангелиями и псалтырем под одной обложкой, дар Ольгуне от батюшки ко дню именин. И брошюрка с пояснениями, как готовиться к исповеди и причастию. Ольгуня хотела помолиться, чтобы нечистые помыслы от себя отвести, но наткнулась взглядом на брошюрку и внезапно похолодела вся. Зачем батюшка эту книжку подарил? Не иначе, как знает что-то, а не знает, так догадывается. И подарком ей говорит: покайся, Ольга. Пока не поздно, очисти душу от лжи, а тело от грехов.

В церкви появился служка Серафим, истинный серафим – не грозный огненный с шестью крыльями, но небесное создание неполных семнадцати, безбородый, тонкий, светлый, с лучистыми глазами и темными длинными ресницами. Улыбался так, что за сердце хватало и тело трепыхалось, полз жар от живота вниз и тягостно, и томно, и душно становилось. И покаяться в том никак не могла. Батюшка, хоть и духовный чин, но мужчина, иеромонах. И казалось, что произнесенная вслух скверна прилипнет к ней навсегда, так что вовеки не отмыться.

В начале марта Ольгуне исполнилось пятнадцать, и какой бы она ни была недокормыш, природа брала свое. Тело менялось, рос пушок, ныла грудь, набухал живот и мучили месячные. Ольгуня смотрела в зеркало бабушкиного гардероба на чужого. У него было жадное лицо с припухлым ртом, неангельское тело, на котором тонкие и острые грудки росли вразлет, изгибаясь в стороны и вверх, будто маленькие рожки. Чужой был склонен к несправедным мыслям, блудным чувствам, грязен телом, нечист душой.

– Пойду в баню в пятницу, – подумала она. – Отмоюсь, а после к исповеди приготовлюсь. Поститься буду на хлебе и воде. И покаюсь батюшке во всем, обещаю!

Новый жилец

Она принесла воды, полы протерла, и приготовилась исполнить молитвенное правило, но тут дверь открылась и ввалилась возбужденная и нетрезвая мать.

– Что сюда шляешься? Я тебя сейчас отважу. – напустилась на Ольгуню. – Заходи!

Последнее это она не дочери, а кому-то за своей спиной адресовала.

– Здрасьти! – следом вошел в синей куртке и с рюкзаком высокий рыжеватый парень. Розовощекий, от холода, видно.

– И вам не хворать, – по-бабушкиному пробормотала Ольгуня, краснея очевидно для себя.

– Вот, – обратилась Алевтина к гостю, – мебель оставляю. И кровать, и шкаф, и стол со стульями. Олька уберется, окна помоеет. Она хорошо моет, ее нанимают хозяева мыть.

– А добавишь, – продолжила в порыве вдохновения, – коридор за тебя помоеет и туалет. У нас все соседи моют по очереди. Тысячу дашь, и она будет мыть по надобности. Воды на кухне сколько хочешь, раковина там. Туалет с унитазом есть. А ванны нет. В баню ходим.

Тут Алевтина сбилась, выдохлась и умолкла, не зная, что добавить.

– Бери, – заключила она. – Или думать будешь?

– Нормально все, чего думать. – отозвался парень, снимая с плеч рюкзак. – Буду заселяться. Мыть ничего не надо, и так чисто.

– Залог тогда с тебя, – переключилась на деловую ноту Алевтина. – Три тыщи, меньше взять не могу, тут добра не на три тыщи, может, на все пять.

– Утром деньги, вечером стулья, – парень подмигнул оторопелой Ольгуне, вытащил из кармана пяти тысячную купюру, сунул Алевтине. – Сдачи не надо.

Алевтина денежку приняла недоверчиво, и пальцами терла, и на просвет разглядывала, чуть только на зуб не пробовала. После успокоилась, просветлела.

– Ладно, жилец, заселяйся, – милостиво разрешила. – Звать-то как тебя?

– Дмитрием, – отозвался тот, – друзья Димомом кличут, а вы, девушки, Митей называйте. И снова Ольгуне подмигнул.

– Я-то уж давно не девушка, – сообщила ему мать, – Алевтина я. А это дочь моя, Олька.

– Хорошая дочь, – одобрил рыжий, оглядев Ольгуню с головы до ног. Та повернулась и выскочила вон.

– Не обращай, как там тебя, внимания, она придурочная немного, в церковь ходит, в хоре поет, – равнодушно сказала Алевтина, – располагайся, а мне надо... Короче, дела у меня.

И тоже мигом за дверью исчезла.

– Эй, хозяйка? Ключи дайте! И туалет где? – вскричал новосел в пустую даль коммунального коридора, где арендодательницы уже и след простыл.

– Чего орешь! – подоспела на крик сонная Петровна. – Ключ тут лежит.

Нагнулась, продемонстрировав обтянутый цветастым халатом зад и оплетенные венами отечные икры, достала ключ из-за отскочившего косяка, протянула опешившему парню.

– Туалет за углом, дверь с дыркой, – сообщила. – Раковина на кухне, внизу. Еще сортир на улице деревянный, если любишь на свежем воздухе оправиться, покурить, газетку почитать. Но там воняет, да и холодно сейчас.

– Не курю я, – отвечал Дмитрий.

– Вот и не кури, – одобрила Петровна. – Долго ли до беды. Вон за электронным магазином, полыхнуло – и как корова языком слизала. Одни угольки остались. Получили комнату в бараке в Гущино. Кто выжил, понятное дело.

Хмыкнула, зевнула и отправилась досыпать.

– Дела... – пробормотал Дмитрий, закрыл дверь и предусмотрительно заперся изнутри.

Соседи

– Мать его к тому времени померла, – повествовала Петровна на общей кухне. – а сам пил, пил, и допился! Зашли дружки, а он за шею подвешенный, синий весь, язык наружу. Милиционеров вызвали, те походили кругом и говорят:

– Удавился. Видно, белая горячка посетила.

У Васильевны забор рядом, а в заборе дыра, она сидела там и все слышала. Что руки у покойника за спиной были связаны. Но милиционеры очевидцам пригрозили, будете болтать, привлечем за соучастие.

– Соучастие в чем? – Виктор Степанович, чистящий картошку, недомолвок не любил.

– В преступлении – отвечала соседка и, приоткрыв крышку на кастрюле, помешала кипящие щи. Варила она их традиционно на неделю, и запах стоял – мама не горюй.

– Капуста неправильная стала, – посетовала Петровна, – аромату нету в ней. И вкус не сладкий у нее. Раньше была как яблоко, белая, хрустящая, а теперь зеленая, жесткая, не разжуешь, хоть вари целый день. Колют в нее консерванты, наверно. Или нитратами поливают. От чего помрешь, и не узнаешь, во жизнь пошла.

Аромата распространялось предостаточно, о чем Степаныч не преминул сообщить.

– Будешь целый день варить, выкину кастрюлю твою, – добавил он добродушно, – вместе со щами. Достала ты ими уже.

– Чего это? – обиделась Петровна, – кухня общественная, и за газ плачу всегда вовремя. Сколько хочу, столько и буду варить.

– Да шутит он, – вмешалась Катерина, мывшая посуду в тазу, – не обращай внимания, давай рассказывай. Что там дальше было-то?

– А ничего и не было, – охотно вернулась к рассказу Петровна. – Увезли Вовку, и до свидания. Глядит Васильевна – новые хозяева там. Стройка, шум во всю ивановскую...

– Это который дом-то? – заинтересовался Виктор Степанович, вытряхивая очистки в мусорное ведро и чуть потеснив Катю, расположившуюся у раковины.

Катя пихнула его бедром. Тот покачнулся, но устоял.

– Слышь, Петровна, дом, спрашиваю, какой?

– За углом, где колонка была с хорошей водой, – ответствовала Петровна. – Там такая оградка ажурная, как на могилке. И машина стоит. Зеленая. На лягушку похожа.

– Знаю, Пряникова спортивный БМВ, – обрадовался Степаныч. – Там свинарник был. Ну и воняло! Мы мальчишками бегали, палки, бутылки, мусор всякий за забор кидали. А Жанна старая раз как выскочит! Клюкой машет! Орет! И что орет! Я армию прошел, но такого больше не слышал...

– Вовка Жаннин сын, что ли? – догадалась Катерина.

– Ну, – отвечала Петровна, последний раз помешала щи, поплотней закрыла крышку и выключила газ. – Убили, а милиция и не почесалась.

– Так ему и надо! – позлорадствовала Катя.

Кавалеры ее в большинстве были не дураки принять на грудь и заложить за воротник, что Катерину изрядно злило, а под конец выбешивало до мордобоя и окончательного разрыва отношений. Начала было она поглядывать на непьющего Виктора Степановича. Поглядит и отвернется. Уж больно невзрачный, хилый, плешивый и нудный. Да еще и неизвестного заболевания инвалид второй группы. Говорит, коленная чашечка, а сам ходит, не хромает. Поди знай, что эта чашечка вообще такое.

– Всех бы алкашей собрать и повесить, – сообщила она свою мечту, – чище стало бы кругом.

– Зря ты так, Катерина, – осудила Петровна, снимая кастрюлю и укутывая дырявой кофтой, что носить никак, а щам упревать в самый раз. – хоть Вовка и пил, но тоже божья душа.

– У алкашей души нет, она в водке растворяется! – отрезала Катя, слила воду мыльную в раковину, принялась под краном тарелки полоскать.

– Сережка вон поддает, а ты его жалеешь, – подколола Петровна.

– Дядь Сережу не тронь! – возбудилась Катерина. – Дядь Сережа человек! Кто дядь Сережу тронет, тому спуску не дам!

– Правильно, Катюша, – примирительно сказал Степаныч. – Понимание надо иметь.

Его никто не поддержал.

– Бесчувственная она, – прокомментировала Петровна и стянула кофтины рукава тугим узлом. Кроме поддержания внутри шерстяного кома тепла, сооружение должно было оградить содержимое от злонамеренности. Захочет кто-нибудь плюнуть в кастрюлю, а поди-ка подступись. Она унесла бы пищу в комнату, да боялась оступиться и ошпариться.

Закончив, задиристо добавила:

– И только для себя аккуратная. Вон смотри, сколько воды льет! И не колышет ее, что по двору дерьмо спортивным стилем плавают.

На улице не было канализационной трубы, и соседи сообща соорудили отвод и дренажную яму, чтобы не бегать с погаными ведрами и не морозить причинные места в дворовой будке с вонючей дырой. Яма постоянно переполнялась, биологические отходы выплескивались наружу, ассенизатора вызывать каждый раз никаких денег не хватало. Потому следили, кто сколько воды в общественную трубу сливает. Петровна порой принималась считать, кто сколько раз унитаз спустил (на кухне слышно было). Но тут ее быстро на место ставили.

И сейчас Катерина уступать не собиралась. Подбоченья для устойчивости, она широко открыла рот.

Назревал классический коммунальный скандал.

– Ах ты, старая кошелка, – с удовольствием начала Катерина и принялась образно объяснять соседке, куда той следует отправиться.

Хотя противник мощью превосходил, зато Петровна заводная была.

– А ты разэтакая и такая! – не осталась в долгу. – И мать твоя была такая, и вся твоя родня.

– Ахх! – разъярилась Катя и пошла в лобовую атаку.

Дверь распахнулась и угодила ей в плечо.

– Простите, я нечаянно, – извинился незнакомый парень, протискиваясь внутрь. – Алевтина сказала, тут можно чайник греть и столом пользоваться.

И зачем-то пошутить решил:

– А я иду и думаю, что за шум, а драки нет.

Зря он это сказал, у Катерины руки так и чесались. Она замахнулась, и схватились они с новым жильцом прямо на пороге.

– Вот тебе и драка, – прокомментировала Петровна, и на всякий случай спряталась за общественным буфетом, оставшимся от прежних еще, чуть ли не царских времен.

– Ты, парень, Катюху нашу не трогай, – заступился Степаныч и тоже полез за буфет.

К разочарованию зрителей битва так и не состоялась. Противники постояли, качаясь в воинственном объятии, и быстро остыли.

– Пустите меня, – обмякла Катя, по-девически румянясь.

– Да я вас и не держу, женщина, – развел руки оппонент.

– — Пока еще в девушках хожу, – вроде обиделась Катерина.

Встряхнулась словно курица, выскочившая из-под петушка, и отправилась собирать посуду в таз.

Петровна со Степанычем выбрались из-за буфета.

– Смелый какой, – после неодобрительно говорила Петровна. – Темная лошадка, хоть и рыжей масти! На Катьку попер, как самосвал. Катьке, конечно, так и надо, но этот, из молодых да ранних, он себя покажет. Не к добру я Вовку поминала, ох не к добру, чует мое сердце.

Петровнино сердце – вещун, это всем давно известно.

Мария, семейная жизнь

Саши дома не было, хотя давно вечер наступил. Вечер не как конец светового дня, которого сегодня вроде и не случилось, а настоящий, подтвержденный цифрами на дисплеях и стрелками на циферблатах.

Мария постояла в полутемной прихожей, вдыхая запах московского жилья: легкий шлейф чужой готовки, нотка уличной гари, знакомый тон домашней пыли. Привычно подумала, что надо бы сделать здесь не косметический, а полноценный ремонт, и так же привычно от этой мысли отмахнулась.

Сняла пальто, разулась и внезапно почувствовала, что нечеловечески устала. Не включая света, прошла в спальню к широкой кровати, прилегла на одеяло и провалилась даже не в дрему, а в кому какую-то.

Очнулась, когда зажглась яркая люстра, испуганно прикрылась локтем, но тут же сообщила, что это Саша пришел с работы.

– Марьяванна! – громко и нетрезво поприветствовал ее хмуроватый муж. – Какими судьбами? Проветриться приехала?

Когда-то она в приступе откровенности рассказала Саше о глупом школьном прозвище. Тому показалось, что оно забавно, по-учительски, звучит. И начал, будучи в определенных настроениях, так к жене обращаться.

– Марьяванна – это прикольно, – утешал он (Маша ненавидела словечки наподобие прикольно). – А вот меня в школе Головнёй звали. Еще были Ряха, Даун, Коряга и Вонючка. Так что тебе, можно сказать, повезло.

Порой это начинало злить. Но сейчас она смолчала. Перед ней стоял не виданный больше двух недель муж и глядел безо всякого удовольствия.

Мария твердо знала, что все всегда смотрят на нее с приязнью, и мужчины, и женщины, и продавцы, и полицейские, и молодые, и старики, за исключением человеконенавистников, конечно. Интересно, если бы она увидела сейчас свое помятое со сна отражение, узнала бы в нем воображаемую себя?

– Саша, ты не рад мне? – подавленно спросила она. – Я не могла дозвониться, беспокоилась. Скучала.

Последнее слово было ложью, и оба это понимали.

– Отчего не рад, рад, – отвечал, не глядя на нее, муж и стал копаться в гардеробе, ища, похоже, чистую домашнюю одежду.

Мария почувствовала укол совести. Бросила его на произвол безответственного общепита и равнодушной домработницы.

– Ты ужинал? Я сейчас приготовлю что-нибудь, – с излишней заботой предложила она.

– Ну давай приготовь, – милостиво согласился он.

Через час в квартире витали флюиды печеной форели, овощного салата и взаимного раздражения.

Мария укрылась от перенасыщенной атмосферы в Денисовой комнате. Она ее не перedelывала, чтобы сын всегда знал, что у него есть дом. Скажи она это Саше или самому Денису, владельцу просторного лофта, те бы ее высмеяли. Ничего себе, сказали бы, дом для взрослого мужчины: клетушка с диваном-кроватью, турником, книжными полками и компьютерным столом.

Мария же упрямо помнила Дениса десятилетним мальчиком, ершистым и улыбчивым, добрым и безоговорочно ее любящим.

– Вырасту, заработаю денег, куплю тебе шубу, – сообщал он. – Чтобы ты не мерзла.

– Но у меня есть уже шуба, – возражала она.

– Ну и что, – он по-Сашиному хмурил лоб, – это папина шуба, а я хочу, чтобы была моя. Мария, наивно считавшая «папину» шубу своей, соглашалась.

– Ладно, – говорила, – пусть будет и твоя.

Теперь ее большой мальчик и не вспоминал о подобных глупостях, разговаривал формально, на праздники отделялся букетом со стандартной открыткой и суммой на карту с предложением купить, что захочется.

Почему-то ей в таких случаях вообще переставало что-либо хотеться.

Мария устроилась в жутко неудобном эргономичном кресле, проверила почту. Спам, спам, спам. Расписание лекций на апрель (у нее два дня всего рабочих, вот чудеса), приглашение на семинар, напоминание из деканата, что пора сдавать ежегодную статью для научного вестника. Статью она начала, и тема была актуальная, и удалось ей закрутить там даже некоторую интригу, что придавало банальному тексту блеск и видимость компетентности. Оставалось дописать, «причесать» и отослать. Но все показалось ерундой и пустым притворством. Словно надеть мамины туфли, завернуться в простыню и изображать, что ты фея... или врач, например.

– Чушь какая лезет в голову, – отмахнулась она от этих мыслей. – Сегодня допишу, перечитаю и пошлю. Крайний срок – завтра.

Посмотрела в незанавешенное окно, на подсвеченное серо-розовым смещением городских огней небо. Отсветы ложились на стекло и, словно на GIF-картинке, по нему монотонно стекали стылые капли то ли мокрого снега, то ли ледяного дождя.

– Может и вправду пора в теплые края, – тоскливо подумала Маша.

Полезла в ноутбук, покопалась в предложениях. На картинках сияли неестественным светом океанские дали, трепетали пальмы и разноцветные паруса кайтеров, загорелые модели демонстрировали дизайнерские наряды на фоне шедевров архитектуры.

– Боже мой, какая скука, – подумала Мария и устыдилась.

Уличные осадки определились с видовой принадлежностью и отчаянно лепили на стекло большие хлопья, которые, впрочем, тут же таяли и все так же уныло стекали вниз, подчиняясь неумолимым законам физики.

Что-то было такое у Чехова, про климат, совершенно невыносимый для чувствительного человека. «Все время кажется, будто вот-вот...»

Фраза никак не всплывала в ее обычно отзывчивой памяти, и она набрала начало в поисковой строке:

– Все время кажется...

Яндекс услужливо выкатил список популярных запросов.

– *Все время кажется, что скоро умру,* —

Читала она с возрастающим изумлением.

– *Все время кажется, что по мне кто-то ползает*

– *Все время кажется, что от меня плохо пахнет*

– *Все время кажется, что за мной следят*

– *Все время кажется, что муж мне изменяет...*

Мария с чуть большей чем надо силой захлопнула крышку ноутбука.

– Вот это я понимаю, бурная насыщенная жизнь, – сказала себе.

Незаметно вошедший в комнату Саша положил руки ей на плечи, и она вздрогнула. Он нажал сильнее, потер ей шею, наклонился, щекотно поцеловал за ухом. Ладони привычно путешествовали вниз и мягко сжали грудь.

– Закончила? Тогда пойдем спать, – пригласил муж.

От него пахло коньяком, но Маша отметила, что он побрился, и понадеялась, что заодно не поленился помыться в ее честь.

«Живешь в таком климате, – вдруг ясно вспомнила она, – того гляди снег пойдет. А тут еще эти разговоры...».

На долю секунду захотелось оказаться в мезенском доме, совершенно одной, смотреть на сосны, слушать ветер, ни о чем не думать. Но это быстро прошло.

Ася, времяпрепровождение

Ася заходит на популярный женский ресурс, где за активность ее сделали модератором кулинарного раздела. Там она предстает Маргаритой, кудрявой, серьезной, на щеках ямочки. Ей тридцать девять, у нее двое детей-подростков, два высших гуманитарных образования, муж, свекровь и собака породы чихуахуа.

Асе нравится вживаться в образ гуру женских ухищрений. Готовить она никогда не умела, а вот сталкивать лбами, ставить подножки и загребать жар чужими руками любила, еще со времен учебы в бухгалтерском техникуме.

Ася осваивает словарь подросткового сленга, повадки собак чихуахуа и разрабатывает тему будущего конкурса «Изысканные и простые блюда из перловки». Радует аудиторию затейниц, которую делит на три категории. Первая – затейницы честные. Ася их прозывает «девушками». Честные играют по-честному, а если видят, что кто-то жульничает, расстраиваются. Если и возмущаются, то робко, потому что в них крепко-накрепко вбили: ябедничать нехорошо. Скромницы! С ними легко, доброе слово скажи, похвали, поощри. И они твои. Потому что их учили, преданность и верность это главное.

Вторые – нахалки. Или еще хабалки. Так и норовят чужое присвоить, соперниц подставить, помоями облить. Ася им спуска не дает. Хабалки напоминают ей стаю бродячих собак: готовы в любую минуту облаять чужака, а то и меж собой перегрызться. Ася им косточки подкидывает, но строго следит, чтобы без команды хвосты не поднимали. Иногда, чтобы выпустить пар, хабалкам жертва нужна, для этого случая «девушки» из первой категории подходят.

Третьи – правдолюбивцы, что прут, все сметая на своем пути. Самое забавное их с нахалками сравнить, в сторону отойти и любоваться, как во все стороны разнообразные брызги летят. Но приходится следить, чтоб дерьмо через край не полилось. Когда дамы переходят на личности и отборный мат, Ася выступает с завершающим словом и своей властью закрывает тему. Потому что на известном портале две вот так поцапались, так в результате одна другую нашла в реале и облила марганцовкой. Та, дура, фамилию настоящую и район проживания на сайте выложила. Шуму много было, из ничего практически. В газетах писали, интервью пострадавшая, вся фиолетовая, пятнистая. Портал чуть не закрыли, но вроде отмазались через своих людей.

Говорят, в интернете зло. А она, Ася, с ракурса прожитых лет, видит, что зло не в местах, а в отдельных людях. И масштаб зла это лишь формула их локальной концентрации. Вот так-то, дорогие мои москвичи, примкнувшие замкадыши и прочие понаехавшие. А также другие обитатели мерцающих виртуальных глубин.

– Как же к вашим сердцам подберу я ключи? – басом поет Ася и отправляется на сайт знакомств, где оборачивается Лолой с внушительным бюстом.

– Здорово, что ты здесь! А то и поговорить не с кем!

Анатолий, на аватарке щеголяющий мускулистым торсом, откликается на прозвище Толич и любит поговорить о душе. Лола кокетничает, льстит. Удивляется, отчего такой набор мышц не облеплен роем оффлайн-красавиц?

– Надоели, – байронически грустит Толич. – Они за мышцами человека не видят.

– И у меня все про бюст, – доверительно жалуется Лола. —А что внутри него, не интересно.

Анатолий молчит. Куда подевался мужик (да мужик ли)? Внутренности бюста испугался?

– Прости, по работе отвлекли. – оживает Толич. – Чего хотел сказать: пошли в кино? Или погулять можно. Только погода нелетная. Лучше посидим где-нибудь и все такое.

– Извини, мне пора. Пока-пока! – неожиданно объявляет Лола и исчезает из чата.

– Уф! – говорит Ася вслух. – Надо пойти бутербродик намазать. Или пообедать сразу, котлет с макаронами еще полсковороды со вчера осталось.

И, нарочито шаркая ногами, спускается на кухню.

Мария, ликвидация подруг

На следующее утро Саша был непринужденно любезен, но сообщению, что жена собирается обратно в Мезню, будто обрадовался.

– Езжай, – сказал. – Отдыхай.

Можно было подумать, что она от чего-то устала.

– Навещу как-нибудь, – пообещал неопределенно.

– Буду ждать, – легко солгала она.

И они расстались с обоюдной приятностью.

Мария знала, дела мужа задержат и отвлекут, но и принять была готова его со всей супружеской ответственностью. Поскольку мужчина в жизни женщины статус имеет и практический помимо декоративного. Бодрит, питает. В отличие от подруг.

Когда-то у нее вроде как была подруга и их вроде как дружба продлилась несколько лет.

Но как-то Марию на лестничной площадке остановила соседка. Та знала ее с детства, никак не могла имени-отчества запомнить. То ли Евлалия Ивановна, то ли Олимпиада Степановна. После выучила, Олимпия. Причем Евгеньевна.

– Ты подружку свою Настю хорошо знаешь? – с ходу взяла быка за рога Олимпия Евгеньевна.

– Знаю, – отвечала Мария не очень вежливо. – А что?

– Неэтично, конечно, передавать, но я тут услышала, что она убить тебя хочет.

Маша оторопела и не поверила. Такое только в детективах про маньяков случается.

– Дело было так...

Оказалось, соседка трудится секретарем в районной службе психологической помощи. Страждущие сограждане валом валят. Специалисты двери неплотно закрывают, порой и вовсе держат нараспашку.

– Вчера иду по коридору, – продолжила Олимпия, – вижу, Настя твоя в кабинете сидит. И говорит: хочу ее убить. Остановилась я. А она – вы сказали, можно убивать врагов. В голове. А Машка мне хоть подруга, но я ее больше всякого врага ненавижу...

Список претензий Насти оказался длинным. Олимпия побежала к рабочему столу и быстро основное на бумажке записала. Чтобы чего не забыть, не растерять по дороге. Записку сейчас Марии и зачитала:

«...Родители уехали, квартиру трехкомнатную оставили. Она там одна, а мы втроем в двушке... Сашка Головин вьется ужом, она нос воротит, ходит такая гордая. А сама точно спит с каким-нибудь козлом из преподав, недаром ее в аспирантуру берут.

...И деньги у нее откуда, спрашивается? Говорит, родители подкидывают, врет наверняка. То сумка новая, то туфли. Джинсов три пары, как будто у нее три задницы, а не одна, как у всех людей...

...Такая злость берет, когда думаешь, за что ей столько всего! Спать ложусь, а заснуть не могу, все она мерещится со своей улыбочкой. Начинаю представлять, как она сидит такая в ванне и просит сладким голоском:

– Настенька, потри мне спинку!

А я беру ее за волосы и под воду пихаю, голова тонет, и пузыри идут. И вот лежит она на дне, смиренная, с перекошенной рожей, а я понимаю, что никогда больше ей не позавидую. Сразу успокаиваюсь и крепко засыпаю...»

Мария растерянно поблагодарила Олимпию и ушла. Сначала все поверить не могла в произошедшее, а после наоборот, везде стала каверза мерещиться. Тогда и случилась принципиальная, как в фильме, ликвидация темы подруг.

Да так ли они уж на самом деле нужны? В конце концов подруги не встречаются в дикой природе, значит, они явление необязательное, в естественной среде выгоды от них никакой.

Вот противоположный пол – полезен, да. Это очевидно.

И муж ее отнюдь не худший экземпляр.

– Пусть приезжает, – великодушно решила Мария.

Она стояла на крыльце и оглядывала свои владения.

Зима истекала водой, весна бестелесной тенью кружила рядом, дожидаясь, пока соперница ослабеет и сдастся. Снег немного стаял, из луж выглянуло несколько зеленых клювиков, в воздухе обещанием долгожданного тепла вился легкий туман. Поодаль росли можжевельники, колючие и, на первый взгляд, бессмысленные. Попались на распродаже в питомнике, вот и купила. Думала, будет стричь под пуделя, шахматную ладью или еще что-нибудь экзотическое.

Два куста посадила рядом, один поодаль. И вот такая картина – ближние цветут и пахнут, а дальний чахнет. Оказался одинокий мужчина. Полуживой, корявые ветки еле выпускает. И спилить рука не поднимается. Потому что сохнет он не со зла, с тоски.

А вот парочка оказалась как раз мужчина и женщина. Зеленеют, кустятся, синими шишечками обвешиваются. Разлохматились во все стороны, пора стричь. Под пуделя вряд ли получится, а под шар и конус в самый раз. Девушка будет круглая, а юноша такой... фаллический.

Зябкая все-таки погода, промозглая.

– Сегодня пятница, пойду-ка я в баню, – решила Мария. – Там тепло, яблоки.

Вот и снова не удалось удержаться от киноцитаты.

Баня

В бане и вправду было тепло и яблоки лежали на столе вместе с грейпфрутами и виноградом. Это значило, что баню сегодня посещает Ирочка.

Ирочка, миниатюрная блондинка неясных лет, состоит из множества достоинств. Она безвозмездно обеспечивает местный клуб парильщиц фруктами, медом и минеральной водой, целебной синей глиной, кофейной гущей, сухой полынью, эвкалиптовым экстрактом и березовыми вениками. Моет парную, носит воду, подметает полы. Любит дарить полезные мелочи, например кремы для омоложения или мочалки от целлюлита. У Ирочки есть всего один недостаток: она не умолкает практически никогда. Даже в парной, где ревнители банных законов требуют полной тишины, Ирочка умудряется что-то шелестеть на ухо соседке Наде. Надя, как и все остальные, ее не слушает, но согласно покачивает большой кудлатой головой под войлочной шляпой.

Маша поздоровалась с банщицей и проследовала за шторку, в «чистое» отделение.

В стародавние годы Зина Михайловна общественную баню «прихватиговала», как выражались посетители «нечистой» части. «Небось, хорошо спинку терла Фишману или Тучкову», судили и ржали они. (Фишман был долгие годы бессменным главой мезенской администрации, Тучков при нем состоял правой и левой рукой.)

Тогда же был сделан ремонт с классовым разделением. «Нечистые» получили старую раздевальню с супротивными, как в электричке, дерматиновыми топчанами, а также большую моечную-мыльню. С каменными лавками, проржавевшими кранами, скользкими душевыми, жестяными тазами. И воды хоть залейся. Стоимость сто рублей в час, для обитателей коммунальных барачков и нерадивых дачников с летним душем из старой бочки, вполне доступное удовольствие.

В чистом отделении – кабинки с диванчиками и зеркалами, кухня с холодильником, кулером, электрическим чайником. Зина Михайловна Ирочкины фрукты моет под фильтрованной водичкой и ставит в вазе на общий стол. Моечное отделение тут небольшое, тазики пластмассовые. Но главное – парная, просторная, свежим деревом отделанная, сухими травами убранная. Кочегар Егорыч топит печь с раннего утра без перерыва. Гуля, уборщица, намывает, водичкой сбрызгивает, проветривает. Купель ледяной водой доликает. Но час уже тысяча, и Ирочкин пронзительный голосок бесплатно:

– Все пропало, фирма разваливается, клиентов нет, партнеры разбежались, сотрудники увольняются, зарплату платить нечем. Еду такая вся не своя, вижу – автосалон. Сто раз мимо проезжала, не было, и вдруг появился. Судьба, думаю. Неслучайное это явление! Раз, и зарулила на стоянку. Там никого, кризис, деньги кончились, не на что машины покупать. Менеджер меня увидел, бежит со всех ног, счастью своему не верит, думает, блондинка туалет ищет. А я выхожу из своей развалюхи и говорю: «У вас красненькая машинка есть?» Он глаза так выпучил, я подумала, сейчас вывалятся...

Маша осторожно заглянула в моечную. Ирочка мазалась кофейной гущей на скамейке у окна, рядом натиралась медом равнодушная Надя. Согласно банным легендам, кофейная гуща придавала коже необычайную упругость и гладкость, мед же выводил шлаки и способствовал общему оздоровлению и похудению организма.

– Глаза, говорю, так выпучил, сейчас вывалятся! – повторила Ирочка в самое ухо Наде.

– Ага, – сказала Надя, массируя объемное брюхо.

– Короче, я ему говорю еще раз: хочу машинку красненькую. У вас есть? Он врубился наконец. Есть, кричит. Красненькая. То, что вам надо. Ты мою «мазду» видела?

– Ну, – Надя перешла к лжкам.

Это грозило затянуться надолго. Ирочка похлопала ее по плечу, кофейная гуща полетела в стороны.

– Так это она и есть!

– Кто? – заинтересовалась было Надя.

– Да машинка. Я тогда все остатки денег и ухнула. Правда, красавица?

– Кто? – снова не поняла Надя.

– Да «мазда» моя! – вскрикнула Ирочка. – Что ж такое с тобой, разговаривать невозможно.

– А-а! – безразлично отвечала ленивая Надя. – Думаю, дотянусь ли поясницу потереть. Живот мешает.

– Да бог знает, что ты несешь, Надя, – вконец расстроилась Ирочка. – Как живот может мешать поясницу тереть?

Тут Мария и вошла.

– Машенька, – обрадовались обе дамы одновременно.

– Поясницу мне намажешь? – спросила Надя, протягивая липкую баночку.

– А ты знаешь, как я свою красавицу покупала? – спросила Ирочка. – Сейчас расскажу...

Маша терла мясистую поясницу под Ирочкино стрекотанье и думала, что надо бы все-таки свою баню построить. Как-то не получается в компании отрешиться и воспарить. Или это бытие под уклон катится, не юна ведь она, хотя и кажется себе молодой.

– Коробка-автомат, – жужжала мухой Ирочка. – Климат-контроль, круиз-контроль, анти-занос, парктроник. Кожаный салон, зеркала с подогревом. И он еще говорит, скидку сделаем. И страховку бесплатную. Понятно, продажи упали, а тут такой клиент, блондинка...

И она радостно захихикала.

Тут Гуля зашла, в цветастом сарафане и смешной зеленой чалме.

– Здрасьте, – сказала и всем по-сестрински улыбнулась. – Зина Михайловна велела поддать, говорит, как бы не остыла парная-то... И чай заваривает, сейчас принесу. С лимоном и чабрецом.

– Девчонки, без меня не заходите! – вскрикнула Ирочка и опрометью бросилась под душ. — Я тут в гостях была, позвали в баню, и вот заходим, а там, представляете, сидит негр...

Так неспешно прошло три часа.

На выходе Марии встретилась выходящая из «нечистого» отделения Ольгуня, намытая до скрипа, с распущенными влажными волосами и красными щеками. Девчачье тельце под линялой футболкой и невзрачными джинсиками казалось неожиданно аппетитным, все на нем где надо круглилось, где надо топорщилось. Мария на миг даже позавидовала этой бутонной упругости.

Зина Михайловна выглянула, пригласила обеих чай пить.

– Давайте, – согласилась Ольгуня, – Заодно волосы высохнут. Не хочется на мороз с мокрой головой выходить.

Зина Михайловна чаю налила в большие кружки, ватрушки домашние выложила, бутерброды с сыром и ветчиной.

– Кушайте, – пригласила. – И я присяду, пока чужих нет. С утра не евши сегодня.

Банщица отсутствием аппетита не страдала, и что самое интересное, Ольгуня от нее почти не отставала.

– С чего я взяла, что ребенок недоедает? – удивлялась про Мария. – Вон как замечательно ватрушки трескают!

Ольгуня

Ольгуня с младенчества есть не любила, чем мать, женщину вспыльчивую и темпераментную, приводила то в бешенство, то в полное расстройство

– Чем ты жива до сих пор, не понимаю, – бурчала Алевтина. А иногда хватала дочь за шкуру и насильно за стол усаживала. Швыряла тарелку с едой.

– Жри сейчас же, я кому сказала!

Та глаза опускала, старательно жевала каждую макаронину, прятала за щеками, ждала, пока матери надоест за ней следить. Убегала в туалет, часть выплевывала, остальное само выходило, не задерживалось, главное было успеть вовремя.

Также с малолетства в приближении банного дня Ольгуня начинала рыдать и прятаться. Мать, находила ее, успокаивала парой подзатыльников, вооружалась тазиками, жесткими мочалками, мылом, вафельными полотенцами и тащила туда, где было душно, влажно, много скользких голых тел и обязательный гулкий скандал. То шайку увели из-под носа, то грязную мыльную воду на ноги вылили, то неправильно мочалками орудуют, то просто друг другу не понравились.

Потом Ольгуня переехала к бабушке и все наладилось. Бабушка есть насильно не заставляла, она сама к ее каше и пирожкам постепенно приохотилась. А банщица была бабушкина подруга, Ольгунина крестная, она им место в предбаннике за шторкой держала, давала блестящие шайки из своего запаса, угощала чаем с вареньем в закутке за кассой. И теперь тетя Зина ее всегда приветливо встречает, денег не берет и напоить-накормить норовит.

Домой Ольгуня шла легкая, как чуть сдувшийся воздушный шар. Когда-то Мишка-Сашка принесли такой с улицы, то ли сами поймали, то ли кто-то подарил, серебристое сердечко на палочке. Шарик взмыл под потолок и висел среди пыли и паутины, пока не похудел, и не спустился с высот. Алевтина, к которой он подкрался незаметно, сказала нехорошее слово и ткнула его ножом, тот лопнул, вслед завыли Мишка-Сашка, да и Ольгуня расстроилась.

Она толкнула разбухшую калитку, и Тузик с Шалавой вякнули на шум.

– Ненавижу, – подумала Ольгуня, но устыдилась, попросила у небес прощения, торопливо побежала мимо собачьего убежища, на крыльцо с вечно развешанными по перилам тряпками и половиками.

Зашла на кухню, воды кружку налить, очень пить хотелось и горло саднило.

Там заседало здешнее общество в полном составе. И Петровна была, и Виктор Степанович, и Катерина в кофте леопардовой расцветки. И даже дядя Сережа был, не то чтобы трезвый, но еще сидячий, с включенными седыми остатками волос, в затертой до потери цвета одежде и с неопределенной улыбкой на устах. Мирно привалившись к стенке, кивал одобрительно. Во главе, будто так и надо, устроился Дмитрий, выглядевший неуместно свежо. Его белая футболка, яркая, словно только из упаковки, притягивала взор и отражала свет.

В центре стола торт стоял, большой, шоколадный, с кремовыми розочками, из электронного магазина, где он стоил целых четыреста рублей. Торт явно новый жилец принес, чтобы с соседями отношения налаживать. Ольгуне в таких «наладчиках» всегда чудилось скользкое, неискреннее.

– Противный и лучше всех себя считает, – подумала она и развернулась, чтобы уйти, но Дмитрий увидел ее и громко сказал:

– Эй, девушка Ольгуня! Не проходите мимо! Выпейте чайку за мое здоровье!

Ольга бегом побежала, чтобы ничего больше не слышать. Но все равно донесся Катеринин голос:

– Не обращай на нее внимания, ненормальная она.

Дача МОНО: посиделки

Катерина, когда к жильцу присмотрелась, увидела, что не такой он и молоденький, как показалось. Уверенно за тридцатник, морщинки виднеются, и крепкий, не то, что жидкие юноши. Вспомнила их недавнее объятие, запах здорового пота и мыла. Никаких испорченных зубов, перегара, табака или позавчерашних носков.

Она поерзала, вздохнула, переместила грудь по столу поближе к соседу, подперла голову руками и стала дальше делать вид, что пьет чай со смородиновым вареньем и слушает Петровнины рассказы. А сама глазами нет-нет да и стрельнет в молодца.

Тот в ответ открыто улыбается. Смотри-смотри, девушка, словно говорит он ей, я весь на виду. Во мне и вправду ничего гнилого нету.

– В том доме, что за поссоветом через два квартала от керосинки, – вещала Петровна, прикидывая про себя, как остатки торга зажилить.

– Какой такой керосинки? – искренне удивлялся новый житель. Виктор Степанович и Катерина наливали чаю, дядя Сережа двигал лицом, будто что-то понимал.

– Да лавки керосиновой! – поясняла Петровна. – Где памятник Гагарину поставили. Он приехал к тетке, а та его за керосином послала. Или за свечками парафиновыми. Его узнали и кричат: «Первый космонавт! Скажи речь!» Ну он на лавку взобрался и сказал. Народу тьма, все хлопали, плакали. Потом думали, где запечатлеть событие: возле тетки или около керосинки. Пока суд да дело, тетка дом продала, а керосинка закрылась. И деньги в государстве закончились. Поставили одну голову. Зато большую очень, весь угол заняла.

– Так там Гагарин, что ли? – внезапно проснулась Катерина. – Говорили, Горький вроде.

– Буревестник революции на Чеховской стоит, белый с усами, а первый космонавт на углу Пржевальской, черный, в шлеме и вокруг с клумбой, – блеснул эрудицией Степаныч.

– Молодой Нерепин делал, – продолжила повествование Петровна. – Бабка его Лениных создавала, а внуку вождей не досталось. Голых баб лепил. Фишман ему по благу Гагарина пробил. Все думали, каким он его соорудит, после баб-то! Но получился хорошо, как живой.

Виктор Степанович не выдержал под конец:

– Какой «как живой»? Натуральная голова Черномора, только не говорящая. Если б внизу не написали большими буквами, никто б не узнал, кому памятник. Халтура сплошная.

И досадливо отхлебнул остывшего чая. Дядя Сережа кивнул неряшливой седой головой. Тут Катерина вновь ожила:

– Так чего про дом ты говорила, Петровна?

– Дед там жил, Аверьяныч, бабка у него померла, а сам немного умом тронулся.

– И чего? – не унималась Катерина.

– Ходила к нему медсестра по линии собеса. Черненькая. Уколы ему делала.

– Ну и чего?

– Чего-чего, заколола его специальными лекарствами, – был ответ. – Усыпила, как собаку, и сама теперь живет, и полный дом родственников ее.

– Да, времена, – посетовал Степаныч. – Бандит на бандите, страшно на улицу выйти.

– И не говори, чужие вокруг лица-то, – поддержала Петровна и все, как по команде, недружелюбно уставились в сторону пришельца. Только дядя Сережа кивал приветливо.

Дмитрий не смутился нисколько, а наоборот, поинтересовался у Петровны:

– А откуда вы эти подробности так хорошо знаете?

– Соседи рассказали, – охотно поделилась Петровна. – Там две сестры рядом живут, Ирѡк и Верѡк, обеим по сто лет, но слух, как у молодых. Они подслушивали, как дед просит его не убивать, а черненькая отвечает:

– Молчи, старый, все равно никто к тебе на помощь не придет.

– А почему эти сестры полицию не вызвали? – удивился жилец.

– Потому что такое происходит не само собой, а с дозволения, – разъяснила Петровна.

Никого, похоже, не удивило подобное умозаключение. Степаныч ковырялся в ухе, Катерина безмятежно водила очами, дядя Сережа рассматривал неведомую даль.

Дядя Сережа. Спин-офф

Дядю Сережу, тихого алкоголика, соседи жалели.

Когда-то он был почти непьющим трудягой, электриком в Гущинской электросети, и пользовался всеобщим уважением.

– В руках у Сереги все горит! – говаривала Петровна, а Виктор Степанович добавлял шутливо:

– Ой, не дай Бог!

Женился Серега на приличной женщине с хлебной профессией, парикмахерше. Жить бы им поживать и добро наживать, да, к несчастью, детей у них не получилось, а получилось лихо в образе тещи по имени Варвара Митрофановна, по прозвищу Варваровна или Тиранозавр.

Варваровна, переехавшая из коммунального барака в Серегин дом с собачкой и двумя кошечками, требовала неусыпного попечения и постоянно капризничала. Вскоре никто уже и не удивлялся, что хозяин проводит свободное время не за тарелкой семейного борща, а в распивочной с кружкой пива, а то и бутылкой чего покрепче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.